

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ В КОНЦЕ V—НАЧАЛЕ VI в.

Изучению государственного строя и политической организации остготского королевства в Италии буржуазная историография уделяла и уделяет немало внимания¹. Однако в подавляющем большинстве случаев эти вопросы рассматриваются буржуазными учеными только с точки зрения того, какие «начала» — римские или германские — оказали влияние, и в какой степени, на формирование тех или иных государственно-политических институтов в остготской Италии. Социальных основ этих институтов ни германисты, ни романисты при этом обычно не затрагивают. Поэтому, несмотря на то что по отдельным частным вопросам ими сделано немало интересных и ценных наблюдений, научно-обоснованной характеристики и объяснения особенностей государственного строя Италии в конце V—первой половине VI в. буржуазная историческая наука не дала и дать не может.

Марксистская историография не отрицает ни наличия романизации государственных институтов в остготском королевстве и их синтеза с политическими учреждениями германцев, ни важности изучения всех этих вопросов. Но историки-марксисты считают, что успешным это изучение может быть только тогда, когда оно основывается на рассмотрении социальных отношений эпохи, которые и обусловили как само возникновение остготского государства в Италии, так и все его особенности.

Одной из первых попыток именно такого исследования проблемы является кандидатская диссертация И. А. Дворецкой². В соответствии с поставленной задачей, И. А. Дворецкая весьма убедительно показала, что возникновение государственной организации у остготов явилось закономерным результатом разложения у них первобытно-общинных отношений и было ускорено в ходе борьбы за Апеннинский полуостров.

Но система управления в остготской Италии не оставалась неизменной и в последующие десятилетия. Развитие феодальных отношений сопровождалось острой социальной и политической борьбой также и внутри самой остготской знати, борьбой, которая, естественно, не могла не оказывать значительного влияния на государственную организацию остготского

¹ Литература по отдельным вопросам, рассматриваемым в статье, указывается ниже.

² И. А. Дворецкая. Общественный и политический строй остготского королевства (К вопросу о происхождении феодализма в странах Западной Европы). Рукопись кандидатской диссертации, М., 1956, стр. 1—390.

королевства. Изучение этой эволюции политической организации Италии в период господства остготов, выявление новых черт в государственном управлении, порождаемых феодализацией остготского общества, имеет, на наш взгляд, важное значение не только для истории народов, населявших Апеннинский полуостров, но и для установления некоторых общих закономерностей политического развития раннефеодальных «варварских» государств, возникших на территории Западной Римской империи.

В данной статье мы остановимся преимущественно на причинах и характере тех изменений в политическом строе Италии, которые имели место в первой половине существования остготского государства, т. е. при Теодорихе и его ближайших преемниках³.

* * *

Хорошо известно, что одной из существенных особенностей остготского завоевания Италии является то, что, в отличие от большинства правителей других варварских королевств, Теодорих стремился (особенно на первых порах) проводить политику компромисса с римской аристократией. Здесь не место останавливаться на всей совокупности причин, обусловивших эту политику. Достаточно сказать, что в числе их был и тот еще очень низкий уровень государственности, с которым остготы и союзные с ними племена пришли в Италию. И хотя так называемое Паннонское государство остготов едва ли уже было просто союзом племен, государственный аппарат, в собственном смысле этого слова, там несомненно еще не оформился. А с завоеванием Италии он стал необходим, и создавать его нужно было в самом срочном порядке.

Была, конечно, использована и значительно окрепшая в ходе четырехлетней вооруженной борьбы за Италию военная организация готов: видимо, именно она явилась основой института *comes Gothorum*, сыгравшего очень важную роль в системе управления страной при остготах. Вместе с тем пришлось не только воспользоваться услугами римских государственных чиновников, но и сохранить в той или иной степени ряд должностей и учреждений, существовавших еще в римском государственном аппарате.

Так, в области центрального управления были сохранены должности префекта претория, магистра официй, квестора дворца, комитов священных щедрот, частных имуществ и патримоний короля и некоторые другие. Продолжал свое существование римский сенат. Почти без изменения осталось административное деление страны на провинции и городские округа (*civitates*); остготы, расселившись по стране, были включены в эти административные подразделения, о чем свидетельствуют указы остготских королей, обращенные к готам и римлянам, населявшим ту или иную провинцию или городскую округу⁴.

Были сохранены должности правителей провинций со старыми названиями *praesides*, *rectores*, *consulares*, *iudices*, замещавшиеся из числа знатных римлян.

³ Классовой борьбе в остготском государстве посвящена другая работа автора статьи, поэтому вопросы классовой борьбы в данной работе не будут являться предметом специального изучения. См.: Э. В. Удальцова. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, т. X, 1956, стр. 9—27.

⁴ Cassiod., Var., I, 17, 29; II, 17; III, 9, 24, 34, 40, 42, 44, 48—50; IV, 8, 26, 45, 49; V, 9, 15; VIII, 7, 26, 29; IX, 10; XI, 15, 16.

За исключением Равенны, ставшей столицей остготского государства, муниципальное управление строилось по римскому образцу, названия городских учреждений оставались прежними.

В этом же плане политики компромисса с римской знатью следует рассматривать и настойчивость Теодориха в стремлении получить признание своей власти над Италией со стороны Восточной Римской империи. Напомним, что после взятия Равенны и убийства Одоакра Теодорих был провозглашен королем и поднят на щит остготскими воинами. Этот акт мог быть понят в то время лишь как провозглашение Теодориха королем Италии, ибо королем готов он был уже давно. С точки зрения Восточной Римской империи поднятие на щит Теодориха рассматривалось как узурпация и нарушение соглашения, заключенного между императором Зеноном и Теодорихом перед началом экспедиции в Италию⁵. И так как такое отношение империи значительно усложняло положение Теодориха в его попытках привлечь на свою сторону римско-италийскую знать, между Равенной и Константинополем довольно длительное время велись переговоры, окончившиеся все же признанием Теодориха королем Италии. В 497 г. было заключено соглашение между остготским королевством и Восточной Римской империей на условиях, весьма выгодных для Теодориха. При посредничестве римской аристократии, в лице *prioris senatus Феста*, остготский король был признан законным правителем Италии и получил право назначать обоих римских консулов, — право, крайне важное для привлечения на сторону остготов сенаторской аристократии Рима. Более того, восточный император вынужден был послать Теодориху в Равенну пурпур и инсигнии западных римских императоров, которые 20 лет назад Одоакр отправил в Константинополь. После заключения соглашения с Константинополем Теодорих торжественно облекся в пурпур и диадему римских императоров и стал самовластно править Италией. С этого времени остготские короли рассматривались как правители всей Италии, а не только племени готов, что нашло отражение в современных этим событиям источниках⁶.

Но при всем том завоевание принесло весьма существенное изменение самой системы управления: как в центре, так и на местах возникла и чем

⁵ Iordanis Getica, ed. Th. Mommsen, MGH, Auct. antiquiss., t. V, pars 1. Berolini, 1882, LVII, p. 295.

⁶ Прокций называет Теодориха государем готов и итальянцев (Procopii Caesariensis. De bello Gothico, recogn. J. Nauri, Lipsiae, 1905, I, 20; § 11—12: „ὁ Θεοδέρικος ἐν βίῳ τρυφερῷ τε καὶ ἀλλῶς ἐλευθέῳ ἐξέθρεψε, μῆτε τῷ Γότῳν τε καὶ Ἰταλιωτῶν δεσποτῇ ἐμποδῶν ἵστασο...“, ср. II, 1, § 25—26; 29—30) и повелевателем Рима (ibid., I, 20, § 12). В своих эдиктах и различных рескриптах остготские короли с тех пор именуют себя principes [Caesiod., Var., III, 22, 28, § 2; 42, § 1; IV, 3, § 1; 36, § 1; V, 27, § 2; VI, 15, § 1; 5, § 4; VIII, 7, § 1; 11, § 4; IX, 24, § 1; X, 3, § 4; 13, § 2; 17, § 1; XI, 5, § 4. Ennodii Panegyricus dictus Theoderico regi (MGH. Auct. antiquiss., t. VII. Berolini, 1885) XX, 88]. В надписях VI в. остготские короли Теодорих и Аталарих называются dominus noster (CIL, VI, 1665, 1794—1795; X, pars prior, 6850; XV, pars prior, 1664—1671; 1673—1675 etc.).

Ластивый панегирист Теодориха Эннодий даже приравнивает власть Теодориха к власти римского императора [Ennod., Paneg., 73, 77; Ennodii Vita Epifanii (MGH, Auct. antiquiss., t. VII. Berolini, 1882), 104, 37].

Буржуазные ученые романистического направления не признают, вопреки данным источников, остготских королей независимыми правителями всей Италии. Они подчеркивают, что юридически остготские короли оставались в подчинении у Восточной Римской империи, являясь лишь имперскими чиновниками. По их мнению, власть остготского короля распространялась исключительно на готов, римляне же сохранили свою систему управления, свою государственность. Романисты утверждают, что как Теодорих, так и его преемники правила римлянами лишь в качестве представителей имперской власти, командиров войск (magistri militum) — (См.: Th. Mommsen. Ostgothische Studien,

дальше, тем больше крепла военная иерархия готов, которая постепенно стала оказывать решающее влияние на управление страной.

В каждой провинции наряду с гражданскими чиновниками из римлян (префекты, президы и др.) действовал правитель из готов — *comes Gothorum provinciae*. Ниже него по иерархической лестнице стоял *comes Gothorum civitatis*, также назначаемый из числа готов и действовавший наряду с римскими дефензорами и кураторами⁷.

В пограничных районах (в Норике, Реции, Сирмийской Паннонии, Южной Галлии) во главе гражданского и военного управления стояли готские военачальники (*duces*), имевшие большие полномочия в области военной и гражданской администрации. Реальной основой их почти неограниченной власти в этих областях были воинские силы, которыми они командовали⁸.

Возникновение института *comites Gothorum* являлось весьма важным нововведением в сфере государственного управления Италии, существенным образом ограничивающим права римской гражданской администрации. Особенно чувствительны для коренного населения страны эти ограничения были в области суда и судопроизводства.

Все остготские войны и их семьи подлежали исключительно суду комита готов. Всякое судебное дело, где одной из тяжущихся сторон выступал гот, также разбиралось комитом готов; уступкой римлянам было

Gesammelte Schriften, VI. Berlin, 1910, S. 362—485; M. Dumoulin. Le gouvernement de Théodoric. «Revue hist.», t. 79, 1902, p. 1—22; 241—265; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, p. 132—136).

Представители же германистической школы в буржуазной историографии, наоборот, всячески преувеличивают значение королевской власти в остготском королевстве и не только считают ее вполне независимой от империи (см.: R. Köpcke. Die Anfänge des Königthums bei den Gothen. Berlin, 1859, «Deutsche Forschungen», S. 226 f.; I. Hasegawa. Kulturgeschichte des Mittelalters. Hamburg, 1950, S. 223 и др.), но и в своих националистических увлечениях сбиваются по существу на точку зрения панегириста Эннодия. Дальнейшее изложение покажет, надеемся, односторонность утверждений как германистов, так и романистов.

⁷ О характере власти и происхождении института *comites Gothorum* в буржуазной научной литературе не существует единого мнения. Некоторые ученые считали комитов готов лишь готскими военачальниками, обычно командующими гарнизонами в городах Италии (Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362—484; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I. Gotha, 1897, S. 97; Iwan von Glöden. Das Römische Recht im Ostgothischen Reiche. Eine rechtsgeschichtliche Abhandlung. Jena, 1834, S. 49 etc.).

Другие исследователи полагали, что комиты готов выполняли функции готских судей, судивших согласно готскому праву (F. K. von Savigny. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I. Heidelberg, 1815; G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien und über die Verhältnisse der Sieger zu den Besiegten im Lande. Hamburg, 1811; J. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien. Breslau, 1824, S. 64 f. и др.).

Отдельные исследователи придавали институту комитов готов решающее значение в провинциальном управлении и рассматривали этот институт как противовес римским провинциальным чиновникам (E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 121; его же. Untersuchungen über die spätromische Verwaltungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1925, S. 347—494; W. Ensslin. Theoderich der Grosse. München, 1947, S. 193—202 и др.).

Немецкий исследователь Л. Шмидт посвятил специальную работу детальному разбору функций комитов готов, в которой он подчеркивает большое влияние комитов готов на гражданские и особенно военные дела в провинциях. Однако, он иногда ошибочно отождествляет *duces* и *comites Gothorum*, которые являлись различными должностями, хотя иногда и выполнялись одними и теми же лицами (L. Schmidt. Die Comites Gothorum. «Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung», Bd. XL. Heft 1—2. Wien, 1924; его же. Noch einmal die Comites Gothorum. Ibid., Bd. XL, Heft 3. Wien, 1925).

⁸ Cassiod., Var., I, 11; IV, 17, § 3; V, 30, 33; VII, 4, § 3.

лишь то, что в случае, если другой тяжущейся стороной являлся римлянин, то дело рассматривалось комитом готов в присутствии римских юристов⁹.

Кроме широких полномочий в сфере суда и судопроизводства, комиты готов приобрели постепенно значительные права и в области финансового и административного управления.

Комиты готов имели непосредственное отношение к взиманию налогов в провинциях Италии¹⁰; они контролировали развитие торговли и состояние транспорта¹¹. Кроме того, в их ведении находились государственные мастерские¹², благоустройство городов и строительство общественных зданий¹³. В распоряжении комитов готов постоянно находились большие отряды остготских воинов для придания реальному значению их власти. Комиты готов обычно командовали всеми войсками, расположенными на территории вверенной им провинции, сочетая функции военного командования с функциями гражданского управления¹⁴. Военские отряды, находившиеся под командованием комитов готов, несли карательные функции по подавлению народных волнений, по наказанию политических и уголовных преступников¹⁵. Власть комита готов в провинциях распространялась не только на готов, но и на всех римлян¹⁶. Для осуществления своих административных и судебных полномочий комиты готов имели свой официй¹⁷. Они назначались королем и были ответственны перед ним, а не перед кем-либо из провинциальной администрации, от которой они мало-помалу стали совершенно независимы¹⁸.

В том же направлении развивалось в конце V—начале VI в. и управление в городах Италии. И здесь полномочия муниципальных должностных лиц (кураторов, дефензоров и др.) были фактически сведены к выполнению обязанностей по сбору податей¹⁹, наблюдению за торговлей и рыночными ценами в городах и городской округе²⁰, к заботе о благоустройстве городов, сохранении в них порядка, развитии образования и организации зрелищ для городского населения²¹, а реальная власть оказалась у *comites Gothorum civitatis* и других представителей остготской знати.

Раньше всего, вероятно уже с 493 г., и в наиболее отчетливой форме новая система городского управления сложилась в Равенне — столице

⁹ Ibid., VII, 3, § 1.

¹⁰ Ibid., III, 23—24; IX, 9. В Сицилии и Сирмийской Паннонии комиты готов единолично ведали сбором податей, в других провинциях они делили эти функции с римской администрацией. Ср. *ibid.*, IX, 9, 11, 14.

¹¹ Например, в Далмации комит готов ведал сбором налогов с торговых оборотов (Cassiod., Var., III, 25, 26; ср. *ibid.*, IX, 14, § 3); другой комит Амбила заботился о снабжении Галлии продовольствием из Кампании, Лукании и Тусции и контролировал торговые цены (*ibid.*, IV, 5); по особому поручению короля комиты готов иногда ведали добычей пурпура (*ibid.*, I, 2) и горными разработками, например, в той же Далмации (*ibid.*, III, 26).

¹² Cassiod., Var., I, 2 — мастерские по производству одежды для короля и его придворных.

¹³ Ibid., II, 7, 35, 36; III, 9, 10; IX, 14, § 2.

¹⁴ Ibid., I, 40; V, 23, 39; VII, 1, § 1; 24, § 2.

¹⁵ Ibid., IV, 43; VII, 1.

¹⁶ Ibid., III, 24; IV, 16; IX, 8, 9, 11, 14. Комиты готов назначались даже в такие провинции Италии, где было сравнительно мало готских поселенцев (Сицилия, Лукания, Бруттий).

¹⁷ Ibid., V, 14; VI, 22; VII, 25.

¹⁸ Ibid., VII, 1, 24.

¹⁹ Ibid., VII, 12, § 2.

²⁰ Ibid., VII, 1, § 2.

²¹ Ibid., II, 34; IV, 42; VII, 10.

остготского королевства, месте пребывания короля и его двора²². Во главе всего управления этим городом стоял комит готов, имевший широкие полномочия в области администрации, суда, охраны города от нападений внешних врагов и волнений народных масс²³. Вся муниципальная организация Равенны контролировалась готами, а римская администрация не имела реальной власти. Так, например, сохранившаяся должность начальника городской стражи (*praefectus vigilii*) стала лишь номинальной, ибо *praefectus vigilii* не располагал воинскими силами для поддержания порядка в городе и эти обязанности выполнял воинский отряд, находившийся в распоряжении комита готов²⁴.

Итак, создание института *comites Gothorum* и назначение других представителей военной администрации из готов (*duces*) чрезвычайно увеличивало реальное политическое влияние на местах остготской военной феодализующейся знати. Политическое значение комитов готов проявилось, например, весьма ярко в том, что король Теодорих перед смертью для утверждения назначенного им наследника престола собрал во дворце в Равенну высшую знать королевства, приближенных и представителей провинциальных властей — комитов готов²⁵.

Однако в первые годы после вторжения в Италию, в период вооруженной борьбы с Одоакром и его союзниками и во время, когда остготская знать еще только приобретала свои первые земельные владения, она была заинтересована в наибольшем объединении своих сил, а это — по условиям времени и места — реально могло быть достигнуто лишь посредством укрепления королевской власти. Поэтому в течение этих лет знать, и не только непосредственно окружавшая Теодориха, но и в провинциях, поддерживала политику использования римской администрации. И как ни несовершенно еще было это сочетание отдельных звеньев старого государственного аппарата, расшатанного уже в доготский период, с военно-административной иерархией остготской знати, оно несомненно сыграло важную роль в укреплении королевской власти у остготов в конце V — начале VI в.²⁶

Именно в этот период власть Теодориха прошла важнейший этап в своей эволюции от весьма ограниченной (преимущественно военной)

²² Научная литература, посвященная исследованию истории Равенны в раннее средневековье, довольно обширна. См. следующие специальные работы: E. Stein. *Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätromischer und byzantinischer Zeit*. «Klio», XVI, 1919, S. 40—71; K. Brandi. *Ravenna und Rom. Neue Beiträge zur Kenntnis der römisch-byzantinischen Urkunde*. «Archiv für Urkundenforschung», IX. 1. 1924, S. 1—38; P. Luther. *Rom und Ravenna bis zum 9. Jahrhundert*. Berlin, 1889; H. J. Schmidt. *Die Kirche von Ravenna im Frühmittelalter (540—967)*. «Hist. Jahrbücher», XXXIV, 1913, S. 729—780 и др.

²³ Cassiod., *Var.*, VII, 14.

²⁴ Ibid., VII, 8. Лишь в Риме, привилегированное положение которого остготы из политических соображений старались поддерживать, городская администрация дольше, чем в других городах Италии, сохранила свои старые формы. О положении Рима в V—VI вв. существует обширная научная литература; см. следующие специальные работы: F. Gregorovius. *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*, Bd. I. Dresden, 1903; L. Homo. *Rome médiévale (476—1420)*. Histoire. Civilisation. Vestiges. Paris, 1934; H. Grisar. *Roma alla fine del mondo antico secondo le fonti scritte e i monumenti*. Roma, 1930; его же. *Analecta Romana*. Roma, 1899; T. Nardella. *La seconda Roma*. Milano, 1927; F. Papencordt. *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*. Paderborn, 1857; A. von Réumont. *Geschichte der Stadt Rom*, Bd. II. Berlin, 1867; O. Roessler. *Grundriss einer Geschichte Roms im Mittelalter*, Bd. I. Berlin, 1909; R. Wilman. *Rom von V. bis VIII. Jahrhundert*. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. II, 1844, S. 137—151 etc.

²⁵ Ibid., *Get.*, LIX, 304.

²⁶ В буржуазной историографии в оценке характера государственных учреждений остготского королевства существуют противоречивые мнения. Романисты придают решаю-

власти остготского племенного вождя (рейкса) до довольно широкой власти самостоятельного правителя всей завоеванной страны. Источники не дают нам, к сожалению, возможности ознакомиться со всеми подробностями этого процесса, но о его результатах, т. е. о важнейших прерогативах королевской власти в остготском государстве, как они выкристаллизовались уже к середине правления Теодориха, мы можем составить себе достаточно полное представление.

Король сохранил все свои права верховного военачальника, хотя сам Теодорих после покорения Италии лично уже не участвовал в военных походах, поручая непосредственное предводительство войсками другим знатым готам (Тулуину, Иббе, Питце и др.)²⁷.

Многочисленные данные королевских указов и рескриптов свидетельствуют, что, кроме того, Теодорих и его преемники пользовались по отношению к своим подданным в Италии верховной административной, судебной и законодательной властью.

Административная власть остготских королей состояла в праве контроля за всеми должностными лицами государства и в праве назначения на все должности центрального и провинциального управления и регламентации деятельности государственных чиновников²⁸. Остготские короли пользовались правом возведения в ранг патриция и могли вмешиваться в дела римского сената, рекомендуя ему принять те или иные административные меры²⁹.

Судебная власть остготских королей заключалась в осуществлении королем верховной юрисдикции в остготском королевстве. Королевский совет (комитат) — о нем подробнее мы скажем ниже — являлся по существу верховным судом королевства. В королевский суд направлялись апелляции по особо важным гражданским и уголовным делам³⁰. Королевский суд являлся последней судебной инстанцией для всех подданных остготского государства как готов, так и римлян. Лишь высшая остготская знать, ближайшие родственники короля, пользовалась привилегией: они

еще значение в центральном (да и в провинциальном) управлении римским институтам и совершенно игнорируют появление новых черт государственного развития. Например, Г. Сарториус отстаивает идею полной неизбежности римских институтов и неспособности остготов изменить их (G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien..., S. 76—106). Т. Моммзен видит значение остготского завоевания в сохранении римской государственной системы и приписывает римским учреждениям неизменность и решающее значение в государственном управлении (Th. Mommsen Ostgothische Studien, S. 362—484). Концепция Моммзена оказала влияние на многих исследователей. См.: L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd. I, S. 227 f.; T. Hodgkin. Italy and her invaders, vol. III, book IV. Oxford, 1896; M. Deanesly. A history of early medieval Europe 476—to 911. London, 1956, cap. III, p. 33—53; H. W. Davis. Medieval Europe. London—New York, 1946, p. 31—37; F. Lot. Les invasions Germaniques. Paris, 1945; L. Halphen. Les barbares, vol. V de la série «Peuples et Civilisations». Paris, 1948, p. 79—87. Германисты же отстаивают теорию наличия дуализма в государственном управлении остготского королевства, полагая, что для римлян была оставлена старая римская государственная система, а для остготов — создана новая, по германскому образцу, с преобладанием военных элементов (см.: F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III. Würzburg, 1866; I. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien; K. Hegel. Geschichte der Städteverfassung von Italien seit der Zeit der römischen Herrschaft bis zum Ausgang des XII. Jahrhunderts. Leipzig, 1847; W. Ensslin. Teoderich der Grosse; M. Brion. Théodoric, roi des ostrogoths (454—562). Paris, 1935.

²⁷ Cassiod., Var., VIII, 10, § 5—6.

²⁸ Ibid., V, 14, § 7.

²⁹ Ibid., VII, 21.

³⁰ Королевский суд принимал, например, апелляции по имущественным искам о захвате земель (ibid., II, 18; III, 37; IV, 39, 40, 44; V, 12); о разделе наследства (ibid., I, 7, 8).

подлежали только королевскому суду, который для них являлся и первой и последней судебной инстанцией³¹.

Кроме контроля за деятельностью верховного суда, король мог вмешиваться в дела провинциальных судей, направляя им свои судебные решения и осуществляя надзор за их выполнением.

Все это свидетельствует о довольно широких прерогативах королевской власти в области суда и судопроизводства, ограниченных лишь волей высшей остготской знати, входившей в состав королевского совета (см. ниже).

Законодательная власть остготских королей была также весьма значительной, хотя по политическим соображениям Теодорих и его преемники издавали лишь эдикты и рескрипты, подчеркивая тем самым, что в своей законодательной деятельности они будто бы целиком остаются на почве законодательства Римской империи³².

В действительности же многие статьи эдикта Теодориха, некоторые рескрипты этого короля и его преемников далеко выходили за рамки римского законодательства, а порою и прямо противоречили ему³³. И вопреки формально-юридической классификации, именно эдикты Теодориха и Аталариха, многочисленные edicta programmata остготских королей, собранные в «Вариях» Кассиодора³⁴, являлись действующим правом в остготском королевстве и имели там силу законов³⁵. И хотя, конечно, все эти акты отражали интересы господствующего класса остготского общества, или

³¹ Cassiod., Var., I, 38; IV, 46; V, 12, 32.

³² Эта юридическая фикция, реальный политический смысл которой совершенно ясен, особенно широко используется учеными романистического направления для подтверждения своей точки зрения на прерогативы и характер королевской власти у остготов. (Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362—484; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 92 f.; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 118; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 239—243 и др.

³³ Например, § 12 эдикта Теодориха находился в прямом противоречии с законом Анастасия от 491 г. (Cod. Just., VII, 39, 4); § 52 эдикта — с постановлением Зенона от 478 г. (Cod. Just., VIII, 53, 31); § 69 — с законом Анастасия от 431 г. (Cod. Just., VII, 39, 5) и т. п. Весьма симптоматично, что в остготском законодательстве нет упоминаний о современном ему законодательстве восточно-римских императоров.

³⁴ Cassiod., Var., II, 25 (IX, 2) — эдикт в защиту курiales; II, 36 — о розыске статей; IX, 15 — эдикт против симонии; XI, 11, 12 — эдикты о ценах; XII, 28 — эдикт о государственной помощи разоренным войной и стихийными бедствиями провинциям Лигурии и Эмилии; Edict. Theod. regis rapae Symmacho, MGH, Leges, t. V. Hannoverae, 1875 — эдикт о неотчуждаемости церковных имуществ и т. д.

³⁵ В оценке характера законодательства остготских королей в научной литературе существуют весьма противоречивые суждения. Большинство ученых романистического направления считает законодательство остготских королей продолжением римского. Так, например, Г. Сарториус полагал, что в остготском государстве действовали преимущественно римские законы (G. Sartorius. Versuch über die Regierung der Ostgothen während ihrer Herrschaft in Italien..., S. 76—106, 289—301). Известный историк римского права Ф. К. Савиньи, в соответствии со своей общей романистической концепцией, также считал право в остготском королевстве римским, хотя и признавал возможность применения самими остготами германского права (F. K. von Savigny. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I, S. 164—173). Ср. J. G. F. Manso. Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien, S. 89—95. И Глоден пошел еще дальше и вообще отрицал действие германского права у остготов (Iwan von Glöden. Das Römische Recht im Ostgothischen Reiche. S. 22—26; 35—40; 72—92 ff.). Моммсен считал, что и в области законодательства Теодорих пользовался правами лишь высшего имперского чиновника в рамках полного сохранения норм римского гражданского и уголовного права (Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362 f.). Из других работ ученых этого же направления можно указать следующие: P. Deltuf. Théodoric, roi des Ostrogoths et d'Italie. Paris, 1869, p. 226—229; G. Garollo. Teoderico re dei Goti e degli Italiani. Firenze, 1879; A. Halban. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten. Breslau, 1899; A. Gaudenzi. Gli editti di Teoderico e di Atalarico e il diritto romano nel regno degli Ostrogoti. Bologna, 1884; P. del Giudice. Sulla questione

во всяком случае той или иной его части, они издавались от имени остготских королей, что свидетельствует о праве законодательной инициативы, которой пользовались правители остготского государства.

Помимо военных, административных, судебных и законодательных прав, дающих в руки королевской власти значительное влияние на внутренние дела остготского королевства, правители Италии располагали обширными прерогативами в области внешней политики.

От имени остготских королей объявлялись войны и подписывались мирные договоры, велись дипломатические переговоры и переписка с правителями соседних государств, отправлялись и принимались посольства, заключались и расторгались союзы.

Для укрепления своего престижа на международной арене остготские короли заключали выгодные династические браки: например, король Теодорих породнился со многими влиятельными государями того времени³⁶, стремясь привлечь правителей германских королевств к союзу с остготским государством³⁷.

Свои права в области внутренней и внешней политики Теодорих осуществлял при помощи ряда должностных лиц и учреждений. Как уже упоминалось, многое здесь было заимствовано из старой римской системы управления, но в соответствии с новыми потребностями и условиями прерогативы и функции большинства сановников и их управлений существенно изменились.

Так, префект претория по-прежнему оставался одним из высших сановников государства, был окружен большим почетом и считался первым лицом после короля³⁸. Он сохранил свои судебные функции (правда, преимущественно в гражданских делах)³⁹, финансовые — в области

della unità o dualità del dritto in Italia sotto la dominazione ostrogota. «Mélanges Fitting», t. I. Montpellier, 1907; M. Dumoulin. Le gouvernement de Théodoric. «Revue hist.», № 78, 79. Paris, 1902; J. B. Bury. The invasion of Europe by the Barbarians. London, 1928, p. 177—207; E. Besta. Il diritto pubblico italiano dalla caduta dell' Impero Romano d'Occidente alla riconstituzione del Sacro Romano Impero. Padova, 1927; P. S. Leicht. Storia del diritto pubblico Italiano. Milano, 1938; G. Romano, A. Solmi. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940; A. Solmi. Storia del diritto Italiano. Milano, 1930 и др.

Представители же германистического направления в буржуазной науке либо проповедовали теорию дуализма — соединения римского и германского права в остготском королевстве (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. III, S. 254—255; G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910; G. Vetter. Die Ostgothen und Theoderich. Stuttgart, 1938, и др.), либо преувеличивали влияние германского права в законодательстве остготских королей (H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. I. Leipzig, 1906, S. 525—529; O. Körb. Untersuchungen zur ostgothischen Geschichte, Bd. I. Jena, 1913; A. Thorbecke. Cassiodorus Senator. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung. Heidelberg, 1867 и др.).

³⁶ Король Теодорих женился на Аудефледе, сестре франкского короля Хлодвиг (Anonymus Valesianus, pars posterior, ed. Th. Mommsen, MGH, Auct. antiquiss., t. IX. Berolini, 1892, XII, 63; Gregorii Turonensis Historia Francorum, MGH, Script. rerum Meroving, t. I. Berolini, 1885, III, 31). Свою дочь Теодихизу он выдал за вестготского короля Алариха Младшего (Iord., Get., LVIII, 298; Procop., De bello Goth., I, 12, § 22), дочь Остроготу — за бургундского короля Сигизмунда (Iord., Get., LVIII, 298; Greg. Tur., Hist. Franc., III, 5), свою сестру Амалафриду — за вандальского короля Тразимунда. (Cassiod., Var., V, 43; Iord., Get., LVIII, 299; Anon., Vales., XII, 68), дочь Амалазунту — за потомка рода Амалов Эвтариха Вестготского (Procop., De bello Goth., I, 2, § 1—2; Iord., Get., LVIII, 298—299), племянницу Амалабергу — за тюрингского короля Герменефрида (Iord., Get., LVIII, 299; Anon. Val., XII, 70; Cassiod., Var., IV, 1; Procop., De bello Goth., I, 12, 22).

³⁷ Освещению внешней политики остготского государства посвящена другая работа автора данной статьи.

³⁸ Cassiod., Var., VI, 3.

³⁹ Ibid., III, 20; V, 34.

сбора поземельного налога⁴⁰, торговых сборов, контроля над внешней и внутренней торговлей и купцами⁴¹. Его ведению подлежал надзор за куриями и городским управлением и благоустройством городов⁴². Он мог единолично назначать всех чиновников своего офиса и распоряжаться казной префектуры претория⁴³. Однако по сравнению с периодом поздней Римской империи власть префекта претория была ограничена, а его прерогативы несколько сужены. Прежде всего, префект претория лишился одной из своих важнейших прерогатив — прав военного командования, которое перешло к остготским военачальникам, и должен был теперь подчиняться распоряжениям *magistri militum*⁴⁴. Несколько сузилась и юрисдикция префекта претория — его судебные решения могли быть отменены королем, он потерял право принятия апелляций (это право перешло в королевскую курию)⁴⁵. В области финансового управления он делил свои полномочия по сбору налогов с правителями провинций⁴⁶.

Таким образом, римская высшая государственная должность префекта претория хотя и сохранилась в остготском королевстве и оставалась, как и раньше, весьма почетной, но реальная власть этого сановника и его префектуры была заметно ослаблена в пользу высших государственных чиновников из числа победителей.

Магистр официй (*magister officiorum*) ведал порядком в королевском дворце⁴⁷, руководил церемониями, приемом иностранных послов (и отчасти перепиской с иностранными державами)⁴⁸, представлением сенаторов королю⁴⁹, введением высшей знати в королевский совет. Он наблюдал за выполнением королевских приказов, ведал курьерской службой и королевскими конюшнями⁵⁰. При помощи магистра официй король назначал всех чиновников центрального управления⁵¹. Однако по сравнению с периодом поздней Римской империи прерогативы магистра официй были существенным образом ограничены — у него был отнят такой мощный рычаг государственного управления, как контроль над должностными лицами.

Поскольку, как известно, в остготском государстве римляне, за очень редким исключением, не могли заниматься военными делами, то и магистр официй теперь уже не командовал телохранителями короля, как он ранее командовал личной гвардией императора, а также не ведал более государственными мастерскими, изготавливавшими оружие.

Таким образом, магистр официй, подобно префекту претория, был лишен своих военных функций и, кроме того, функций контроля над чиновниками государственного управления.

Квестор дворца (*questor palatii*) ведал всей деловой перепиской короля, составлял королевские эдикты, указы, грамоты и дипломы о королевских

⁴⁰ Cassiod., Var., I, 3, 14, 35; II, 5; IV, 36, 50; V, 23; XII, 22, 23, 26. Из этого налога префект претория выдавал аннону войскам (*ibid.*, VI, 3, 6). На эти же средства он устраивал зрелища и театральные представления (*ibid.*, II, 9).

⁴¹ *Ibid.*, I, 34; II, 26, 30; V, 16, 17, 19, 20.

⁴² *Ibid.*, IX, 4. Он мог вносить изменения в составе курий; заботился о городском благоустройстве (*ibid.*, II, 37).

⁴³ *Ibid.*, VII, 3.

⁴⁴ *Ibid.*, VI, 3, § 4.

⁴⁵ *Ibid.*, III, 20.

⁴⁶ *Ibid.*, IV, 36, 50.

⁴⁷ *Ibid.*, VI, 6.

⁴⁸ *Ibid.*, X, 33.

⁴⁹ *Ibid.*, VI, 6, § 2.

⁵⁰ *Ibid.*, VI, 6.

⁵¹ *Ibidem*. Непосредственно же в подчинении у магистра официй находились все чиновники королевской канцелярии (*ibid.*, XI, 4, 5; XII, 25).

пожалованиях и назначении на государственные должности⁵². Он соединял функции королевского секретаря с функциями советника и именно благодаря этому пользовался известным влиянием на ход государственных дел. Эта должность обычно замещалась кем-либо из образованных римлян, хорошо знающих юриспруденцию и другие науки⁵³.

Комит священных щедрот (*comes sacrum largitionum*) управлял финансовыми делами королевства — сбором таможенных пошлин, соляной монополией, монетным делом. Заведовал он и расходами, связанными с содержанием армии и флота⁵⁴, с королевскими пожалованиями и раздачами; заботился о королевских одеждах и пополнении казны, добыче жемчуга⁵⁵.

Как квестор дворца, так и комит священных щедрот, находились под постоянным контролем короля и его специальных уполномоченных.

Комит частных имуществ (*comes rerum privatarum*) также выполнял финансовые функции, но в пределах управления владениями королевского фиска. Он контролировал поступление доходов с владений королевского фиска — податей, арендной платы и различных налогов из провинций⁵⁶. В его обязанности входило наблюдение за порядком во владениях фиска, поэтому он обладал и судебными правами, в частности, разбирал тяжбы, касающиеся имущественных исков арендаторов земель фиска⁵⁷. Комит частных имуществ должен был постоянно заботиться об увеличении владений королевского фиска за счет выморочных и конфискованных имений⁵⁸.

В ведение комита частных имуществ входило также частичное распределение доходов фиска, шедших на содержание военачальников и воинских отрядов и на другие нужды⁵⁹.

По мере роста королевских доменов в Италии и усложнения системы управления ими наряду с комитом частных имуществ большое значение приобретает и другой сановник — комит патримония (*comes patrimonii*). Он управлял королевскими доменами, собирал подати с зависимого населения королевских имений и арендную плату со свободных арендаторов⁶⁰, ведал доставкой продуктов из имений к королевскому двору и хлеба в зернохранилища⁶¹.

Комит патримония заботился о повышении доходности королевских имений, например, руководил горными разработками и добычей золота на землях короля⁶². Он распоряжался выдачей содержания комитам готов, их чиновникам и жалованья войскам из доходов, получаемых с королевских патримоний⁶³. В ведении комита патримония находилось оформление грамотами королевских пожалований, даруемых королем знати из фонда королевских земель⁶⁴. Важнейшей функцией этого высшего чиновника государственного управления был надзор за зависимым и свободным населением королевских доменов. Он чинил суд и расправу над рабами, рустиками, колонами королевских имений, разбирал дела свободных арендаторов,

⁵² Cassiod. Var., VI, 5.

⁵³ Ibid., VI, 5, § 4—5.

⁵⁴ Ibid., VI, 7, § 7.

⁵⁵ Ibid., II, 31.

⁵⁶ Ibid., IV, 7; VI, 8, § 5.

⁵⁷ Ibid., IV, 11.

⁵⁸ Ibid., VI, 8, § 3—6.

⁵⁹ Ibid., IV, 13; III, 53.

⁶⁰ Ibid., I, 16; IV, 3, 4; V, 18, 19; IX, 3, 3; VIII, 23.

⁶¹ Ibid., I, 16; V, 7; VI, 9, § 7; IX, 9; XII, 4, § 2.

⁶² Ibid., IX, 3.

⁶³ Ibid., IX, 13.

⁶⁴ Ibid., VIII, 23, § 4.

арендовавших земли короля⁶⁵. В его компетенцию входил также надзор за морскими королевскими флотами⁶⁶. В подчинении у комита патримония находился большой штат чиновников (*vicedomini* etc.), через которых он осуществлял управление королевскими имениями⁶⁷. Он имел свою кассу, пополнявшуюся за счет доходов с королевских доменов; из этого фонда он платил жалованье чиновникам⁶⁸. Основу его влияния составляли широкие полномочия в отношении населения королевских доменов и возможность распоряжения доходами королевских имений. В отличие от других римских государственных должностных лиц, постепенно терявших свое бывшее влияние, прерогативы комита патримония даже несколько расширились в сторону роста его власти в отношении не только зависимого, но и свободного населения королевских имений⁶⁹. Рост авторитета комита патримония был обусловлен увеличением значения и удельного веса частных владений короля, а расширение его прав в отношении населения домена — необходимостью подавления недовольства свободных и зависимых земледельцев, обрабатывавших королевские имения. Именно всем этим можно объяснить то, что эта, римская по происхождению, должность зачастую замещалась не только римлянами, но и готами из числа приближенных короля⁷⁰.

Первостепенную роль в центральном управлении остготского государства в Италии играл королевский совет — комитат (*comitatus*)⁷¹.

Королевский совет прежде всего являлся верховной судебной инстанцией — королевской курией, в которой решались все важнейшие уголовные и гражданские дела⁷². В комитат направлялись апелляции по судебным процессам, различные жалобы на государственных чиновников и частных лиц⁷³. Но наряду с этим королевский совет занимался военными делами, а также вопросами внешней и внутренней политики и государственного управления. Королевский совет имел влияние и на церковные дела остготского государства: так, комитат назначал епископов в некоторых областях Италии и взимал с них установленный сбор за получение этого сана⁷⁴. Иногда члены королевского совета выполняли особые дипломатические миссии, возглавляли посольства⁷⁵. Одновременно большинство из них занимали видные должности центрального управления. Состав комитата пополнялся по личному решению короля из знатных лиц, наиболее полезных для несения государственной службы⁷⁶. Смена короля на престоле обычно влекла за собой изменение состава комитата, перевес в котором получала то одна, то другая группировка остготской знати⁷⁷. Решающую роль в комитате и при Теодорихе и при его преемниках играли знатные готы: Тулуин, Гудила, Питца, Ибба, Тевдис, Триван, Аригерн

⁶⁵ Cassiod., Var., VI, 9; Ennod. Paneg., VII, 1.

⁶⁶ Cassiod., Var., IV, 15; V, 18.

⁶⁷ Ibid., V, 14, § 8; VIII, 23; XII, 4; Edict. Theod., § 155.

⁶⁸ Cassiod., Var., V, 7; VIII, 23.

⁶⁹ Ibid., VI, 9.

⁷⁰ Ibid., I, 16; IV, 3, 4; V, 18, 19; IX, 3, 13.

⁷¹ В источниках он носит различные названия: *comitatus*, *aula regis*, *regale convivium*, *aulicum consistorium* (ibid., I, 43; II, 40). Иногда он отождествляется с ближайшим окружением короля — *nostrum obsequium* (ibid., II, 6; III, 22; V, 22) или с его свитой (Iord., Get., XXVI, 136).

⁷² Cassiod., Var., I, 7, 8; II, 8; III, 36; IV, 9, 39, 40, 44, 46; V, 12.

⁷³ Ibid., V, 15.

⁷⁴ Ibid., X, 15, § 7.

⁷⁵ Ibid., II, 6.

⁷⁶ Ibid., II, 6, § 1; III, 22; V, 28.

⁷⁷ Procop., De bello Goth., I, 4, § 13; ср. Iord., Get., LIX, 304.

и многие другие⁷⁸. Из представителей римской аристократии, пошедшей на службу остготскому правительству, в комитате участвовали люди, известные своей знатностью, лояльностью в отношении остготского правительства и опытностью в административных и политических делах (Кассиодор, патриции Либерий, Агапит, Фавст, Павлин и Альбин, Симмах и Боэций, правда, впоследствии выступившие против правительства Теодориха)⁷⁹.

Остготские короли обычно лично присутствовали на заседаниях королевского совета и решали все важнейшие дела государственного управления после их обсуждения в совете знати⁸⁰. Местом пребывания комитата был королевский двор в Равенне.

Таким образом, мы видим, что королевский совет — комитат соединял функции центральной исполнительной власти с функциями совещательного органа, обсуждавшего все наиболее существенные вопросы внутренней и внешней политики остготского королевства, и являлся важнейшим проводником влияния высшей остготской и римской знати на государственные дела.

В системе центральных учреждений, опираясь на которую Теодорих осуществлял свои prerogatives верховного правителя страны, несколько особую роль играл римский сенат.

О положении и политической роли римского сената в остготском государстве нет единого мнения в научной литературе.

Т. Моммзен и его последователи считали, что в положении сената в остготском королевстве не произошло никаких изменений и что римский сенат в это время полностью сохранил свое бывшее значение⁸¹.

Другие исследователи, наоборот, полагают, что в правление остготов римский сенат вообще не имел какого-либо влияния на политическую жизнь страны⁸².

Не разделяя ни того, ни другого мнения, мы думаем, что правильная характеристика значения сената в остготский период истории Италии может быть получена только при учете той эволюции, которую прошли отношения между сенаторской аристократией и остготской знатью. В первое время после образования остготского государства, когда остготской знати было, как мы уже видели, необходимо привлечь на свою сторону римско-италийскую аристократию, остготские короли всячески заигрывали с сенатом.

Сенаторы сохранили свои важные привилегии — подсудность коллегии пяти сенаторов, судебную юрисдикцию по особо важным делам⁸³, охрану имущества отсутствующего по государственным делам сенатора⁸⁴. Сенат

⁷⁸ О Тулуине см.: Cassiod., Var., VIII, 10, § 5—6; о Тевдисе — Iord., Get., LVIII, 302, о Триване — Anon. Vales., XIII, 82.

⁷⁹ См. ниже, стр. 24—32.

⁸⁰ Cassiod., Var., III, 22; IV, 9, 40.

⁸¹ Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362 f.; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 80. Cp. H. Usener. Anecdoten Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischen Zeit. Bonn, 1877; его же. Das Verhältnis des römischen Senat zur Kirche in der Ostgothenzeit, in: «Kleine Schriften», IV, ed. B. G. Teubner, Leipzig—Berlin, 1913, S. 143—154; G. B. Picotti. Il Senato romano e il processo di Boezio. «Arch. Stor. Ital.», ser. VII, vol. XV, 2, 1931, p. 205—228; I. Sundwall. Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums. Helsingfors, 1919, S. 178—308.

⁸² R. Köpcke. Die Anfänge des Königthums bei den Gothen; A. Thorbecke. Cassiodorus Senator; W. Pastor. Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm. Berlin, 1920. В. Энслин, хотя и не отрицает влияния сената на политическую жизнь страны, но все же подчеркивает главным образом упадок его влияния (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 188—193).

⁸³ Cassiod., Var., II, 14.

⁸⁴ Ibid., I, 15.

сохранял свои полномочия по надзору за благоустройством Рима и других городов Италии⁸⁵, по наблюдению за правильностью денежного обращения⁸⁶, за развитием просвещения и образованности в Риме⁸⁷. Очень важной функцией сената оставалась забота о сохранении порядка в Риме и подавлении народных восстаний и недовольства знати⁸⁸.

Однако уже очень скоро началось ограничение реальной власти римского сената, что выразилось прежде всего в установлении контроля за его деятельностью со стороны остготского правительства. Этот контроль осуществлялся при посредстве главы сената (*prior senatus*), обычно ставленника остготского короля⁸⁹, и через особого королевского чиновника, который присутствовал на заседаниях сената, передавал сенату королевские рескрипты и послания, следил за тем, чтобы сенаторы выполняли указы короля⁹⁰. Сенат был фактически лишен законодательной инициативы: эдикты и указы, имевшие силу закона, издавались от имени короля и лишь доводились до сведения сената⁹¹. Король мог вмешиваться в судебную юрисдикцию сената и предписывать сенаторской судебной коллегии свои решения⁹². Сенат лишь утверждал должностных лиц, назначенных королем⁹³. Притязания римской сенаторской аристократии на освобождение от налогов не были поддержаны остготским правительством⁹⁴.

В характеристике уровня развития, которого достигла власть остготских королей в Италии, нельзя обойти молчанием, что уже Теодорих (а за ним и его преемники) чеканили монету, в том числе и золотую, со своими изображениями и от своего имени. Однако, не желая нарушать многовековую традицию и окончательно порывать связи с империей, они одновременно отдавали дань уважения римским императорам, продолжая чеканить на монетах их монограммы и изображения вместе с монограммами и изображениями остготских правителей⁹⁵.

Эволюция королевской власти в остготском государстве находит выражение и в том, что постепенно, при содействии церкви, начинает скла-

⁸⁵ Cassiod., Var., III, 10; IV, 51.

⁸⁶ Ibid., I, 10.

⁸⁷ Ibid., I, 39; II, 22; IV, 6; IX, 21.

⁸⁸ Ibid., I, 39; IV, 6.

⁸⁹ Anon. Vales., pars posterior, XII, 53.

⁹⁰ Cassiod., Var., IV, 16; III, 6, § 7.

⁹¹ Ibid., IX, 19.

⁹² Ibid., IV, 22.

⁹³ Ibid., I, 4, 13, 43, 44; II, 3, 16; III, 12; IV, 4; V, 4, 22; VIII, 10; IX, 23.

⁹⁴ Ibid., II, 24.

⁹⁵ О монетах и монетном обращении в остготском королевстве см.: I. Friedlaender. Die Münzen der Ostgothen. Berlin, 1844; F. F. Kraus. Die Münzen Odovacers und des Ostgothenreiches in Italien. Halle, 1928; U. Monneret de Villard. La moneta in Italia durante l'alto medio evo. «Rivista Italiana di numismatica e scienze affini», XXXI—XXXIII. Milano, 1919—1920; его же. La monetazione nell'Italia barbarica. «Riv. Ital. di numismat.», XXXII, 1919, p. 22—38, 73—112, 125—138; XXXIII, 1920, p. 169—232.

Нумизматический и археологический материал широко используется для характеристики остготского королевства в работе: F. Altheim. Niedergang der alten Welt. Frankfurt am Main, 1952, S. 99—125. Некоторые ученые, главным образом романистического направления, ссылаясь на наличие императорских изображений и монограмм на остготских монетах, утверждали, что остготские короли не могли сами чеканить монету (Th. Mommsen. Ostgothische Studien, S. 362 f; M. Dumoulin. Le gouvernement de Théodoric..., «Revue hist.», t. 79, p. 190). Но в новейшей буржуазной историографии после появления специальных исследований о монетной системе в остготском государстве многие ученые под давлением фактов признают уже за остготскими королями право чеканки монеты — и даже золотой (W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 161 f; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 119). Любопытно отметить, что монетные клады, содержащие остготские монеты (наряду с византийскими), обнаружены далеко от территории остготского

дываться концепция о ее священном характере⁹⁶. Вместе с тем растет внешний блеск, окружавший особу короля и королевский двор⁹⁷, устраиваются королевские дворцы в Равенне, Вероне и Риме, в честь остготских королей воздвигаются статуи⁹⁸, их деяния и подвиги их предков воспеваются лъстивыми панегиристами и прославляются учеными историографами⁹⁹.

Показателем существенных изменений характера королевской власти у остготов в период после их переселения в Италию является также стремление некоторой части остготской знати к установлению династического порядка наследования королевского престола.

К сохранению королевской власти в «царственном» роде Амалов, с передачей ее по нисходящей мужской линии очень стремился Теодорих и его окружение¹⁰⁰. Династический порядок наследования (правда, с некоторыми отступлениями) сохранялся и при ближайших преемниках Теодориха. Однако обострение социальной борьбы внутри остготского общества и особые условия военного времени привели к нарушению этого принципа наследования престола в период войны остготов с Восточной Римской империей. В эти годы происходило избрание королей или знатью или войском и знатью, иногда с поднятием избранника на щит по обычаю, сохранившемуся еще от периода родо-племенного быта. Таким путем были избраны Витигис¹⁰¹, Ильдибад¹⁰², Эрарих¹⁰³, Тотила¹⁰⁴, Тейя¹⁰⁵, но характерно, что уже и эти (избранные) короли старались использовать каждую возможность, для того чтобы «подкрепить» свою власть той или иной связью с «царственным домом Амалов». Так, Витигис, например, стремился узаконить свою власть женитьбой на внучке Теодориха Матазунте¹⁰⁶.

⁹⁶ Cassiod., Var., I, 2, § 1; III, 15; IV, 29, § 2; VI, 7, § 6; VIII, 8, § 2—3; VIII, 32, § 1; X, 16, § 2; 17, § 2; 34; XI, 2. Иногда доходили до утверждения, что власть короля — выше закона (ibid., II, 9).

⁹⁷ Ennod., Paneg., VII, 33; VIII, 44; XXI, 89.

⁹⁸ Cassiod., Var., II, 36; Procop., De bello Goth., I, 6, § 2—5; 24, § 22; III, 20, § 29.

⁹⁹ Наиболее яркими примерами этого являются упомянутый выше панегирик Эннодия в честь короля Теодориха и труды Кассиодора, а также отчасти и Иордана.

¹⁰⁰ Iord., Get., XIV, 81; LVIII 298; LIX, 304; Cassiod., Var., VIII, 3, § 1; 4, § 3; IX, 24, § 8. В эдиктах остготских королей род Амалов называется «царственным», «облеченным в пурпур» (Cassiod., Var., VIII, 7, § 1; IV, 39, § 2; VIII, 1, § 1; 5, § 2; IX, 1, § 2), а наследование престола Аталарихом (ibid., VIII, 2, § 3), Амалазуной (ibid., X, 3, § 3; VIII, 5, § 1) и Теодатом (ibid., X, 3, § 2) основывается на кровном родстве с домом Амалов (ср. Procop., De bello Goth., I, 2, § 1—22; 4, § 6—9; Iord., Get., LIX, 306).

¹⁰¹ Iord., Get., LX, 309, 310; Iord., Romana, 372; Procop., De bello Goth., I, 11, § 5; Marcellini Comitis Chronicon. MGH, Auct. antiquiss., t. XI. Berolini, 1894, ad anno 536.

¹⁰² Procop., De bello Goth., II, 30, § 16.

¹⁰³ Ibid., III, 2, § 4.

¹⁰⁴ Ibid., III, 2, § 16—18; 3, § 1.

¹⁰⁵ Ibid., III, 33, § 6. Буржуазной историографией, особенно учеными-германистами, случаи замещения остготского престола по наследству усиленно используются для доказательства якобы надклассового характера королевской власти у остготов, т. е. ее будто бы полной независимости от каких бы то ни было групп знати. См., например: R. Köpcke. Die Anfänge des Königthums bei den Gothen. Berlin, 1859. В этой связи становится понятным, почему некоторые авторы стремятся вопреки фактам доказать, что династический принцип наследования никогда не нарушался в остготском королевстве, см., например: J. von Pflugk-Harttung. Die Thronfolge im Reiche der Ostgothen. Weimar, 1889, S. 203—229.

¹⁰⁶ Iord., Get., LX, 311; Procop., De bello Goth., I, 11, 27. Следует отметить, что даже племянник императора Юстиниана патриций Герман также рассчитывал путем женитьбы на овдовевшей Матазунте добиться признания его законным правителем Италии.

Одним из очень важных атрибутов, характерных для этого периода развития королевской власти у остготов, является исключительное право короля оказывать покровительство (*tuitio*).

Покровительство короля жаловалось церкви¹⁰⁷, отдельным народностям¹⁰⁸, областям¹⁰⁹ и частным лицам (из числа остготской и римской знати)¹¹⁰. Иногда оно использовалось как орудие в борьбе против социальных выступлений народных масс¹¹¹.

Tuitio рассматривалось как особая милость короля¹¹² и сопровождалось дарованием важных привилегий — лицо, находившееся под покровительством короля, было подсудно лишь суду королевской курии и освобождалось от юрисдикции провинциальных судов¹¹³, оно ограждалось от насилий со стороны государственных чиновников и частных лиц¹¹⁴. Нанесение обиды лицу, пользующемуся *tuitio* короля, каралось высоким штрафом¹¹⁵, защита покровительствуемых королем людей осуществлялась через должностных лиц государственного управления¹¹⁶.

Обычно *tuitio* даровалось по просьбе церкви, частного лица или правителя области и всегда подтверждалось особой грамотой короля¹¹⁷.

Преступления против лица, находившегося под покровительством короля, приравнивались к оскорблению величества и наказывались самыми суровыми карами¹¹⁸.

Институт *tuitio* генетически восходил к обычаям периода военной демократии, когда дружинник за верную службу пользовался защитой и покровительством своего вождя. Но в условиях классового общества *tuitio* приобрело иной, классовый характер; оно превратилось в одно из средств, при помощи которого королевская власть ограждала интересы остготской и римской знати и привлекала ее к поддержке центрального правительства¹¹⁹.

В буржуазной историографии классовый характер *tuitio* обычно всячески затушевывается. Ряд историков утверждает вопреки фактам, будто этот институт являлся показателем гуманности остготских королей, что последние якобы оказывали покровительство бедным и угнетенным, защи-

связанным узами родства с домом Амалов (P. G. O. r., De bello Goth., III, 39, § 13—15; Iord., Get., LX, 314).

¹⁰⁷ Например, патримонии Миланской церкви в Сицилии находились под покровительством короля (*tuitio*). См.: Cassiod. Var., II, 29.

¹⁰⁸ Например, охрана иудеев в Италии (ibid., V, 37).

¹⁰⁹ Ibid., V, 39.

¹¹⁰ Ibid., I, 15, 37; II, 4; IV, 27; IV, 41.

¹¹¹ Ibid., V, 39.

¹¹² Ibid., V, 37, § 2.

¹¹³ Ibid., I, 37; IV, 9, 41.

¹¹⁴ Ibid., V, 37, § 2; VII, 39, § 2.

¹¹⁵ Ibid., IV, 27; VI, 13, § 7; IX, 18, § 10.

¹¹⁶ Ibid., I, 15, 36, 37; II, 4, 29; III, 27; IV, 27, 41; V, 29, 39; IX, 2. Чаще всего защита (*tuitio*) осуществлялась через особых готских королевских чиновников — сайонов (ibid., I, 37; II, 4; IV, 27) или через комитов готов (ibid., II, 29); в особых случаях ее могли осуществлять и высшие должностные лица из римлян (ibid., I, 15; IV, 41). Особая защита (*tuitio*) целых областей поручалась комиту готов и его войскам (ibid., V, 39).

¹¹⁷ Cassiod., Var., VII, 39 (Formula tutionis). Ср. о *tuitio*: Lex Salica, XIII, 6.

¹¹⁸ Edict. Athalar. = Cassiod., Var., IX, 18, § 10.

¹¹⁹ Вопрос о характере института *tuitio* рассматривается в следующих работах зарубежных авторов (кроме указанных выше): L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme, Bd. I. Die Ostgermanen. Berlin, 1934; K. Reiprich. Zur Geschichte des ostgothischen Reichs in Italien. Oppeln, 1885; G. Pfeilschifter. Theoderich der Grosse; O. Körbs. Untersuchungen zur ostgothischen Geschichte, Bd. I; I. Jung. Organisationen Italiens von Augustus bis auf Karl der Grosse. Innsbruck, 1896—1903; K. Hampe. Theoderich der Grosse. «Herrscher gestalten des deutschen Mittelalters». Leipzig, 1927, S. 1—28.

щая их от насилия сильных и знатных¹²⁰. Но источники свидетельствуют, что идеализация *tuilio* обоснована не больше, чем идеализация и всех других мероприятий остготского правительства.

Вопреки демагогическим утверждениям остготских королей и их ученых министров о том, что правители остготского королевства в своей деятельности якобы руководствовались высшими принципами правосудия, гуманности и гражданственности¹²¹, королевская власть в остготском государстве всегда в первую очередь защищала интересы господствующего класса — остготской и римской феодализирующей знати.

Остготские короли, Теодорих и его ближайшие преемники, сами выходя из высшей остготской знати, заботились о соблюдении классового мира и охране существующего порядка от выступлений народных масс¹²², требовали от подданных повиновения властям и выполнения королевских указов¹²³, защищали имущественные права и политические привилегии знати¹²⁴. Они вознаграждали за службу своих приближенных из числа высших военных и гражданских сановников¹²⁵, а одновременно закрепляли бесправное положение зависимого населения¹²⁶ и требовали от народных масс неукоснительной уплаты налогов¹²⁷ и повиновения своим господам¹²⁸.

В свете всех этих фактов становится ясной беспочвенность какой-либо идеализации королевской власти у остготов (и у других германцев), — идеализации, столь распространенной в буржуазной историографии¹²⁹.

¹²⁰ См. F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. III, S. 111—116; G. Vetter. *Die Ostgothen und Theoderich*. Stuttgart, 1938; A. Thorbecke. *Cassiodorus Senator*; K. Martin. *Theoderich der Grosse*. Freiburg, 1888.

¹²¹ Cassiod., Var., VIII, 2, § 2.

¹²² Ibid., II, 24; III, 38; IV, 33; IX, 19; X, 14; XII, 8.

¹²³ Ibid., III, 20; IV, 32, 33; VIII, 20; XI, 9; XII, 3.

¹²⁴ Ibid., IV, 39; 1, 37; Edict. Theod., § 34, 43, 44, 45, 76.

¹²⁵ Cassiod., Var., II, 9, 31; III, 42; IV, 24, 26; VI, 3, § 6; XI, 33; XII, 26, 28.

¹²⁶ Edict. Theod., § 48, 56, 63, 65—69; 70, 77, 80, 84, 85—88; 100—102, 142, 150.

¹²⁷ Cassiod., Var., II, 24; IV, 14; V, 14; IX, 12; XI, 16; XII, 8, 10.

¹²⁸ Edict. Theod., § 80—88; 100—102, 142, 150 etc.; Ennod., Paneg., II, 8; XXI, 90, 91.

¹²⁹ В буржуазной историографии идеализация королевской власти у остготов (связанная с прославлением личности короля Теодориха) идет по двум основным направлениям:

а) Ученые-германисты и немецкие националисты восхваляют остготских королей, и в первую очередь Теодориха, как национальных героев немецкой нации, создавших крупное государство с сильной монархической властью. Например, Ф. Дан (F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. II, S. 125) считает остготскую «монархию» защитницей народной свободы; он приписывает Теодориху идею создания римско-германской империи; Р. Пальман (R. Pallmann. *Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung*. Gotha, 1863) проводит идею об извечности монархии у остготов; А. Торбекке (A. Thorbecke. *Cassiodorus Senator*) восхваляет остготских королей за то, что они в своей деятельности якобы руководствовались принципами правосудия, гуманности и гражданственности. Прославление завоевательной политики остготских королей (особенно Теодориха) проходит красной нитью через следующие труды ученых германистического направления: W. Pastor. *Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm*; G. Vetter. *Die Ostgoten und Theoderich*; W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*; S. Hasegawa. *Kulturgeschichte des Mittelalters* и др.

б) Среди ученых романистической школы также встречается тенденция к идеализации остготской монархии и короля Теодориха, но уже с иных позиций — романисты восхваляют Теодориха и его ближайших преемников за сохранение в Италии римской государственности и римской цивилизации. Многие из них считают создание остготского королевства попыткой восстановить Западную Римскую империю под протекторатом восточно-римского императора. (Кроме упомянутых выше работ Т. Моммзена, Л. М. Гартмана, М. Дюмулена и др. можно еще назвать следующие труды: I. Strayer. *The middle ages (395—1500)*. New York—London, 1842; P. Deltuf. *Théodoric, roi des Ostrogoths et d'Italie*. Paris 1869; H. St. Moss. *The birth of the middle ages*. London, 1947; егo же. *La naissance du moyen âges Romains et Barbares*. Paris, 1937; F. Lot. *Les invasions Germaniques*. Paris, 1945; G. Pepe. *Il medio evo barbarico d'Italia*. Torino, 1942; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire* и др.).

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, мы можем прийти к следующим выводам. Как и у других племен на определенном этапе перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, и у остготов интересы знати потребовали создания публичной власти, отделенной от народа и стоявшей над ним. Специфические условия образования остготского государства, связанные с завоеванием Италии, также толкали к созданию таких форм государственной власти, которые могли бы обеспечить покорность завоеванного населения этой страны.

Для остготской знати наиболее удобной и эффективной формой государственности, способной наиболее полно отражать интересы господствующего класса, явилась в то время королевская власть.

Существенной особенностью оформления государственного аппарата в завоеванной остготами Италии было значительно более широкое, чем в других варварских королевствах, использование остготами многих римских государственных установлений и административного опыта римских должностных лиц. В сочетании с другими моментами это обстоятельство значительно облегчило и ускорило процесс укрепления власти остготских королей. Поэтому было бы неверным недооценивать влияние и полностью отрицать относительную самостоятельность королевской власти в остготском государстве, как это делают некоторые ученые, представители романтического направления в буржуазной науке¹³⁰.

Однако этот процесс укрепления королевской власти характеризует только одну сторону, одно направление изменений политического строя остготского королевства в Италии. В реальной действительности того времени имела место не только эволюция королевской власти от ограниченных прав рейкса к довольно широким полномочиям правителя суверенного государства, но и эволюция власти короля в сторону ее ограничения, в связи с развитием феодализма и дальнейшим усилением политического влияния феодализирующейся знати в Италии.

Но рассмотрение этого аспекта интересующей нас проблемы невозможно без учета внутренней борьбы в среде самой остготской знати, между ее различными группировками. Перипетии этой борьбы во многом объясняют и изменения в отношении остготского государства к римско-италийской аристократии, изменения, которые в связи с отмеченными выше особенностями формирования государственного аппарата в остготской Италии не могли не влиять на всю административную систему королевства.

В правление Теодориха, и особенно при его ближайших преемниках, внутри остготской знати можно отчетливо наметить две основные группировки: первая группировка состояла из придворной, служилой аристократии, политическое влияние которой основывалось на службе королю, а экономическое благосостояние зависело от королевских земельных пожалований. Эта служилая аристократия постепенно поглотила старую родовую знать остготов и старалась сблизиться с той частью римской аристократии, которая была лояльна по отношению к остготскому правительству. Вторая группировка включала остготскую военную феодализирующуюся знать, располагавшую значительными земельными владениями в провинциях

¹³⁰ См. напр.: Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, v. III, p. 164 suiv. Автор этой работы считает, что королевская власть у остготов пользовалась очень незначительным влиянием на политические дела государства, хотя была окружена внешним почетом. В другой работе (F. Martroye. *L'Occident à l'époque byzantine, Goths et Vandales*. Paris, 1904) «полная» романизация остготского королевства объясняется отсутствием у короля Теодориха образования. Деятельность Теодориха оценивается весьма критически.

Италии и опиравшуюся на свой авторитет в армии и влияние на местах. Эта группировка остготской знати выступала обычно как защитница «племенных» интересов готов, была ярой противницей союза с римской аристократией и Восточной Римской империей. Между этими двумя группировками остготской знати шла постоянная, то скрытая, то открытая борьба, особенно обострившаяся во второй половине правления короля Теодориха и в царствование его ближайших преемников.

В области создания нового государственного строя борьба этих двух группировок остготской знати по существу выражала борьбу двух тенденций государственного развития: придворная остготская знать в союзе с высшей римской аристократией тянула в сторону централизации государственного аппарата на основе использования старой римской администрации; вторая группировка остготской знати стояла за усиление местной военной администрации готов, т. е. фактически за децентрализацию государственного управления.

Правительство Теодориха в течение большей части 33-летнего царствования этого короля опиралось в своей внутренней и внешней политике на служилую аристократию и на лояльно настроенную часть римской сенаторской знати.

Но основное направление общественного развития остготов в этот период вело к усилению не этой группировки. Гораздо быстрее росла экономическая мощь, а следовательно и политическое влияние той части остготской знати, которая была связана главным образом с периферийными звеньями военной иерархии остготов.

В остготском королевстве вошло в обычай назначать командиров войск, *duces* и *comites Gothorum*, охранявших те или иные провинции Италии, из числа знатных готов, имевших в этой области земельные владения, с целью усилить их рвение по охране той территории, где находится их имущество. Едва ли можно сомневаться, что все они энергично использовали все имевшиеся в их распоряжении возможности для дальнейшего увеличения своих богатств и в первую очередь земельных.

Источники свидетельствуют, что остготская знать при этом не ограничивала своих притязаний хозяйствами только мелких собственников, или даже средних, но покушалась — и не без успеха — на владения, во многих провинциях все еще весьма значительные, римско-италийской аристократии. Естественно, что все это усиливало оппозиционное настроение в среде знатных римлян.

Сказанным и объясняется то, что сам король Теодорих и его ближайший советник Кассиодор вынуждены были даже проводить некоторые важные мероприятия по ограничению своеволия местной остготской феодализирующей знати. Ряд постановлений, свидетельствующих об этом, включен в эдикт Теодориха¹³¹. По-видимому, именно против непокорной остготской провинциальной знати и, конечно, против оппозиции среди знатных римлян и использовало остготское правительство короля Теодориха установления римского права, связанные с законом об оскорблении величества (*lex Julia majestatis*).

Именно в этом же плане следует рассматривать и появление в Италии очень важного политического института так называемых королевских сайонов. Так как в буржуазной исторической науке существуют весьма различные мнения о характере и происхождении института сайонов¹³², на этом вопросе следует остановиться подробнее.

¹³¹ Edict. Theod., § 49, 113.

¹³² Некоторые ученые проводили аналогию между сайонами и римскими *agentes in rebus*, *comitiaci*, исполнявшими функции надзора за чиновниками по поручению римского

Напомним, что хотя остготское правительство и использовало римскую администрацию, полного доверия к ней, а еще больше к широким слоям своих римских подданных, оно, конечно, не имело и постоянно опасалось их недовольства, которое всегда могло перерасти в открытое возмущение. Поэтому-то правительство Теодориха не ограничилось введением в действие в остготском государстве римского закона об оскорблении величества и суровыми преследованиями всех политических преступников¹³³, но, не доверяя своим чиновникам из числа римлян и под давлением служилой остготской знати, оно создало этот новый, чрезвычайно важный институт так называемых *сайонов*¹³⁴.

Одновременно появление института сайонов было вызвано еще и желанием установить контроль над непокорной военной знатью в провинциях и несколько ограничить растущее могущество комитов готов.

Важнейшей функцией сайонов был политический надзор за всеми «подозрительными», преимущественно из числа непокорной знати и римских подданных остготского короля. Эту должность могли выполнять исключительно только знатные готы, римляне же к ней не допускались, что является явным свидетельством нарастающего недоверия к ним со стороны остготской знати. Сайоны пользовались большим влиянием в остготском государстве; в отдельных случаях сайоны являлись начальниками военных отрядов¹³⁵, заведовали снабжением армии и крупных городов¹³⁶, выполняли особые королевские поручения¹³⁷, осуществляли охрану лиц, находящихся под защитой короля (*tuitio regii nominis*)¹³⁸.

императора, совершенно не учитывая изменения характера верховной власти (Th. Mommsen. *Ostgothische Studien*, S. 410; L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens*, Bd. I, S. 126 f.; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 122—123; J. B. Bury. *The invasion of Europe by the Barbarians*, p. 201; W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*, S. 166—167, 178—179 f.).

Другие историки низводили сайонов на степень представителей низшей администрации (J. G. F. Manso. *Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien*, S. 62 f.). По мнению Ф. Дана, сайоны были исполнителями воли чиновников центрального управления, префекта претория и комита патримония, а также представителей провинциального управления комитов готов (F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. III, S. 180). Многие ученые подчеркивали чисто германский характер института сайонов и связь его с усилением королевской власти (см. напр.: L. Schmidt. *Die Ostgermanen*, S. 157). В русской буржуазной литературе это мнение разделяли П. Виноградов и Д. Петрушевский. По их мнению, сайоны — выразители воли короля, беспорядочно вмешивающегося в дела государства; сайоны, по их мнению, не имели строго очерченного круга обязанностей, что выражало незрелость государственности у остготов (Д. М. Петрушевский. *Очерки из истории средневекового общества и государства*. М., 1922, стр. 213—214; П. Виноградов. *Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии*. СПб., 1880, стр. 95—96). В новейшей литературе появилось мнение, что институт сайонов, хотя и был порожден завоеванием, был призван защищать интересы римлян, а не готов (H. St. Moss. *The birth of the middle ages*, p. 67), но это мнение не подтверждается данными источников.

¹³³ Edict. Theod., § 49, 113; Cassiod., Var., IV, 44.

¹³⁴ Cassiod., Var., V, 5; XII, 35, § 1.

¹³⁵ Например, сайон Татан при Теодорихе командовал отрядом стрелков (Cassiod., Var., V, 30).

¹³⁶ Например, во время похода в Галлию при Теодорихе сайон Нанд ведал снаряжением армии (*ibid.*, I, 24), сайон Веран сопровождал отряд гепидов, посланный Теодорихом в Галлию, ведал снабжением отряда продовольствием, следил за дисциплиной (*ibid.*, V, 10; ср. *ibid.*, II, 13, 20; IV, 14, 39; XII, 3).

¹³⁷ Например, по поручению короля сайон Гудуин собирал готов-воинов на смотр в Равенну для получения ими донативы (*ibid.*, V, 27); сайон Вилигис отправлял по приказу короля хлеб из королевских складов в Равенну в Лигурию во время голода в этой провинции (*ibid.*, II, 20); сайону Леодефриду было поручено Теодорихом строительство военных укреплений (*ibid.*, III, 48) и т. д.

¹³⁸ *Ibid.*, II, 4; IV, 27.

Сайон, по приказу короля, мог потребовать выполнения предписания правительства даже от представителей королевского рода Амалов¹³⁹. Сайоны иногда выполняли поручения короля, связанные с конфискацией имущества в пользу фиска¹⁴⁰.

Королевские сайоны выполняли также и судебные функции по различным особо важным политическим делам. Так, например, сайонам поручалось ведение судебных процессов, если к суду привлекались знатные особы или лица, совершившие преступления политического характера¹⁴¹. Весьма показательным в этом отношении является выполнение сайонами судебно-карательных функций в отношении народных масс, выступавших против существующего строя. Так, в Фавентинской области вспыхнуло движение *latrones*, принявшее опасные для правительства размеры. Местные власти не могли справиться с этим движением, так как *latrones* оказывали упорное сопротивление. Тогда остготский король Аталарих послал сайона Думерита для подавления этого движения¹⁴². Суд сайона мог в отдельных случаях быть инстанцией, принимающей жалобы и апелляции на решения суда правителей провинций¹⁴³.

Но самой важной прерогативой королевских сайонов был надзор за всей военной и гражданской администрацией Италии.

По указу короля сайоны контролировали деятельность высших должностных лиц государственного управления: префекта претория, магистра официй, комита патримония и их чиновников¹⁴⁴. Особо тщательно сайоны наблюдали за деятельностью чиновников префектуры претория по сбору налогов с населения провинций¹⁴⁵. За злоупотребления при взимании налогов чиновники привлекались сайонами к судебной ответственности¹⁴⁶. В то же время сайоны следили за регулярностью поступления налогов от населения и карали неплательщиков¹⁴⁷.

Правонарушения и злоупотребления даже высших чиновников государственного управления сурово пресекались сайонами¹⁴⁸. Сами могущественные комиты готов находились под постоянным и неусыпным наблюдением королевских сайонов, которые не только помогали комитам¹⁴⁹, но и строго контролировали их¹⁵⁰.

Сайоны назначались самим королем и получали жалование от короля в соответствии с их заслугами¹⁵¹. Сайоны составляли ближайшее окружение короля, являлись исполнителями его воли, король называл их *nostri sayones*¹⁵², они входили в состав королевского совета — комитата¹⁵³. Власть сайонов настолько возросла, что иногда вызывала опасения самого короля, который требовал, чтобы сайоны не превышали своих полномо-

¹³⁹ Например, сайон Дуда был послан к племяннику короля Теодориха Теодату с целью пресечения бесчинств Теодата и восстановления некоего Домиция в его правах на имение, отнятое у него Теодатом (Cassiod., Var., IV, 39).

¹⁴⁰ Cassiod., Var., IV, 32.

¹⁴¹ Ibid., II, 13; III, 20; IV, 39; VIII, 27.

¹⁴² Ibid., VIII, 27.

¹⁴³ Ibid., IX, 14, 4.

¹⁴⁴ Ibid., IV, 47; V, 5, 19, 20.

¹⁴⁵ Ibid., XII, 3, § 3.

¹⁴⁶ Ibid., XII, 3, § 2.

¹⁴⁷ Ibid., IV, 14.

¹⁴⁸ Ibid., III, 20; ibid., II, 13.

¹⁴⁹ Ibid., IV, 27.

¹⁵⁰ Ibid., IX, 10.

¹⁵¹ Ibid., VII, 42.

¹⁵² Ibid., III, 48; V, 23.

¹⁵³ Ibid., II, 20.

чий¹⁵⁴. Сайоны не подлежали юрисдикции местных судей, наказывать и судить их мог только сам король¹⁵⁵.

Таким образом, институт королевских сайонов являлся важным политическим нововведением остготского правительства, — нововведением, порожденным насущными потребностями времени.

Генетически он восходил к периоду родо-племенных отношений, когда дружинники рейкса выполняли все его поручения. Но в новых общественных условиях образования государства и формирования феодализма у остготов этот институт не мог, конечно, полностью оправдать надежд, возлагавшихся на него королем и придворной знатью.

Как уже было упомянуто, ход борьбы между различными группировками остготской знати непосредственно сказывался на отношении правительства к римско-италийской аристократии.

Если в первую половину царствования короля Теодориха, когда у кормила правления стояла служилая остготская знать, во внутренней политике остготского правительства преобладало стремление к сближению правящей верхушки королевства с наиболее влиятельными кругами римской сенаторской аристократии и высшего католического духовенства, то в последние годы правления этого короля, когда политическое преобладание в стране перешло к провинциальной военной знати, все явственнее начало проявляться расхождение между остготской феодализирующей знатью и представителями старой римской рабовладельческой аристократии.

Трещина, наметившаяся еще в предшествующее время и выразившаяся в оттеснении римской знати от влиятельных государственных должностей, теперь все более и более углублялась и расширялась и привела в конце царствования короля Теодориха к серьезному конфликту между остготским правительством и римской сенаторской аристократией.

В буржуазной историографии причины этого конфликта обычно усматривались то в этнических различиях и национальной вражде остготской и римской знати¹⁵⁶, то в столкновении двух культур — римской (представителями которой являлись казненные Теодорихом римские сенаторы Боэций и Симмах) и «варварской» — остготской¹⁵⁷, или двух религий — арианства и католичества¹⁵⁸.

Попытка более углубленного объяснения этого конфликта была сделана в труде немецкого ученого Э. Штейна, который стремился вскрыть в первую очередь политические причины, заставившие Теодориха в конце своего правления изменить политику по отношению к высшей сенаторской аристократии Италии¹⁵⁹.

Э. Штейн в своем труде правильно подчеркивает, что если король Теодорих в начале своего царствования заигрывал с сенаторской аристократией и высшим католическим духовенством, то впоследствии, располагая значительными военными силами и укрепив свою власть, он перешел к политике некоторого ограничения политического влияния сената, вызвав тем самым появление сенаторской оппозиции¹⁶⁰.

¹⁵⁴ Cassiod., Var., IV, 27, 28; VII, 42; IX, 2.

¹⁵⁵ Ibid., IV, 27, 28.

¹⁵⁶ L. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 324; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 182.

¹⁵⁷ L. Schmidt. Ostgermanen, S. 218.

¹⁵⁸ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 35—38.

¹⁵⁹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 124—132.

¹⁶⁰ Ibid., p. 120.

По мнению Э. Штейна, для римской сенаторской аристократии, которая, несмотря на внешний почет, теряла реальную власть в стране, теперь назрела необходимость борьбы с остготским владычеством¹⁶¹.

Недовольство родовитой сенаторской аристократии Рима усугублялось еще и тем, что, по утверждению Э. Штейна, правительство Теодориха покровительствовало представителям провинциальной знати Италии (подобно Кассиодору, Эннодию и др.), в противовес старой римской аристократии, которую оно начало отстранять от высших государственных должностей¹⁶².

Действительно, если в среде остготской знати шла постоянная борьба политических группировок, то, само собой разумеется, и римско-италийская аристократия отнюдь не была единой как по своим экономическим интересам, так и по своим политическим устремлениям.

Источники VI века, особенно произведения Кассиодора и Эннодия, дают возможность определить наличие двух основных политических группировок среди знатных римлян и италиков в остготском государстве того времени. Одна из них, действительно имевшая экономическую и политическую опору в провинциях Италии, в своей политической деятельности всецело ориентировалась на союз с остготами и служила им верой и правдой.

Видным представителем этого политического течения был сенатор Фавст, потомок древнего, но обедневшего знатного рода Мессалы Корвина. В сенате Фавст возглавлял длительное время партию, выступавшую против соглашения с Восточной Римской империей и восточной церковью. За свои заслуги перед остготским правительством Фавст был удостоен высших государственных должностей; он был квестором в 503—506 гг. и префектом претория в 507—512 гг.¹⁶³ Правительство короля Теодориха высоко ценило преданность Фавста и всегда выступало на его защиту, когда грабежи жадного и корыстолюбивого префекта претория вызывали недовольство населения¹⁶⁴. Одним из верных друзей и политических единомышленников сенатора Фавста был другой видный представитель протготского течения среди римско-италийской знати, известный писатель той эпохи Магнус Феликс Эннодий¹⁶⁵. Он также активно поддерживал политику сближения с остготской служилой знатью и заслужил милости короля Теодориха созданием льстивого панегирика в его честь.

К этой же социальной группировке принадлежал и Флавий Магнус Аврелий Кассиодор Сенатор¹⁶⁶, ближайший сподвижник и помощник пер-

¹⁶¹ Ibid., p. 124.

¹⁶² Ibid., p. 126—128.

¹⁶³ Cassiod., Var., II, 37; III, 19.

¹⁶⁴ Ibid., III, 20 — Кассиодор сообщает о том, что Фавст незаконно захватил землю некоего Кастория.

¹⁶⁵ О жизни и трудах Эннодия см. следующие работы: H. Laufenberg. Der historische Wert des Panegyricus des Bischofs Ennodius. Rostock, 1902; K. Vogel. Chronologische Untersuchungen zu Ennodius. «Neues Archiv», XXIII, 1897; C. Tanzi. La cronologia degli scritti di Magno Felice Ennodio. «Archeografo Triestino», XV, fasc. 2, 1889; P. Lamma. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950.

¹⁶⁶ О Кассиодоре см. следующие исследования: A. Gaudenzi. L'opera di Cassiodoro a Ravenna. «Atti e memorie della deputazione di storia patria per le provincie di Romagna». 3 serie, vol. III, 1885, p. 235—334; IV, 1886, p. 426—463; A. T. Heerklotz. Die Variae des Cassiodorus Senator als kulturgeschichtliche Quelle. Heidelberg, 1926; C. D. Minasi. M. Aurelio Cassiodoro Senatore; ricerche storico-critiche. Napoli, 1896; A. Van de Vyver. Cassiodor et son œuvre. «Speculum», VI, 1931, p. 244—292; H. Tielle. Cassiodor. Seine Klostergründung Vivarium und seine Nachwirken im Mittelalter. «Stud. und Mitteil. zur Geschichte des Bened. Ordos», L, 1932, S. 378—429; L. Schmidt. Cassiodor und Theoderich. «Historisches Jahrbuch», Bd. 47, Heft 4. Mün-

вых остготских королей. Именно из среды этой проготски настроенной феодализирующей знати Италии, а не из старой сенаторской аристократии Рима остготское правительство выбирало своих просвещенных чиновников, референдариев короля, гражданских правителей провинций Италии.

Старая римская сенаторская аристократия, связанная крепкими нитями с рабовладельческим обществом, со старыми традициями римского государства и с Восточной Римской империей, естественно, не внушала полного доверия остготскому правительству и все больше и больше оттеснялась от государственного управления.

Вследствие всего этого росла и крепла оппозиция правлению Теодориха в рядах сенаторской аристократии, видными руководителями которой были римские сенаторы Боэций — знаменитый философ, ученый и политический деятель своего времени и его воспитатель и тесть Симмах¹⁶⁷. Единственным путем для осуществления замыслов этой оппозиции был союз с Восточной империей и помощь со стороны императора.

Таким образом, одной из причин конфликта, завершившегося трагической гибелью Боэция и Симмаха, являлось соперничество провинциальной знати и римской аристократии, борьба двух партий в сенате, одна из которых была на стороне остготского правительства, другая же возглавляла оппозицию против короля Теодориха. Немалое значение в развитии этого конфликта имели и церковные вопросы — сложные взаимоотношения между католической и арианской церковью в самой Италии и борьба вокруг заключения унии с восточной церковью.

Не отрицая значения этнической и религиозной розни и борьбы различных политических партий в назревании конфликта между остготским правительством и сенаторской аристократией в последние годы правления короля Теодориха, вместе с тем мы все же считаем, что разрыв между остготской феодализирующей знатью и римской аристократией был вызван также и более глубокими социально-экономическими и политическими причинами.

Вероятнее всего, борьба завязалась на почве столкновения реальных экономических интересов этих групп и развернулась, главным образом, вокруг двух основных вопросов — владения землей и использования рабочих рук для ее обработки.

Если первоначально остготское правительство шло в этих вопросах на серьезные уступки старой римской аристократии, то в дальнейшем, по мере усиления власти остготской феодализирующей знати, начались насильственные захваты остготской знатью земель и зависимого насе-

chen, 1927, S. 727—729; A. Franz. M. Aurelius Cassiodorus Senator, ein Beitrag zur Geschichte der theologischen Literatur. Breslau, 1872; A. Momigliano. Gli Anicii e la storiografia latina del VI sec. D. C. «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», anno CCCLIII. Roma, 1956, p. 279—297; P. Courcelle. Les lettres grecques en Occident. De Macrobie à Cassiodor. Paris, 1943 (библиография на стр. 401—415); W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 278 f.

¹⁶⁷ О Боэции и его научной и политической деятельности существует обширная научная литература. См.: E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 130—131; L. M. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 347—354; Ch. H. Coster. The fall of Boethius, his character. «Ann. Inst. Phil. et Hist. Orient. et Slaves», 12, 1953, p. 45—80; его же. Procopius and Boethius. «Speculum», 23, 1948, p. 284—287; O. Bertolini. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi, Bologna, 1947, p. 584—587; F. Cognasso. Relazioni religiose e politiche fra Roma e Bisanzio. Torino, 1947, p. 1—274; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 283 f; H. R. Patch. The tradition of Boethius. A study of his importance in medieval culture. London, 1935; Marco Galgi. Saggi Boeziani. Pise, 1938; E. K. Rand. Boethius the first of the scholastics, in: Founders of the middle ages. Cambridge, 1928, p. 135—180; R. Bonnaud. L'éducation scientifique de Boèce. «Speculum», IV, 1929, p. 198—206; C. Cipolla. Per la storia del processo di Boezio. «Studi e documenti di storia e di diritto», XXI, 1900, p. 335—346.

ния в Италии, что, повторяем, задевало интересы не только трудового населения Италии и мелких италийских землевладельцев, но иногда приносило ущерб и римской землевладельческой аристократии.

Так, например, в «Вариях» Кассиодора имеется упоминание о незаконном захвате Теодатом земельных владений наследников знатных римских вельмож Арголика и Амандиана¹⁶⁸. Подобные случаи отнюдь не являлись редким исключением в те смутные времена, о чем свидетельствует и многочисленность жалоб в королевскую курию на насильственные захваты земель «могущественными» лицами из числа остготской знати, и факты активной самообороны римских землевладельцев от нападений этих лиц¹⁶⁹.

Естественно, возросшая угроза земельным владениям римской знати не могла не вызвать серьезного недовольства среди наиболее влиятельных кругов senatorской аристократии Италии.

Конечно, и сами римские сенаторы отнюдь не брезговали насильственным захватом чужих земель, однако, по-видимому, безнаказанно могли это делать лишь сторонники остготского правительства из числа перешедшей на его сторону римской аристократии. Это предположение подтверждается данными Кассиодора, который сообщает о том, что упомянутый выше римский сенатор Фавст, сторонник остготского правительства, беззастенчиво захватывал чужие земли и чинил всяческие другие насилия¹⁷⁰. Оппозиционно настроенные сенаторы подобной привилегией не пользовались.

Не удивительно, что уже к концу правления Теодориха сторонников остготского правительства среди высшей римской аристократии было лишь незначительное число, в то время как ряды senatorской оппозиции все росли¹⁷¹. Однако остготское правительство в Италии было еще столь сильно, что представители оппозиции до поры до времени должны были скрывать свои истинные чувства и политические замыслы и ограничиваться лишь открытой защитой политики союза с Восточной Римской империей.

Таким образом, одним из важнейших вопросов, порождавших расхождение между правящей верхушкой остготского государства и старой римской аристократией, являлся вопрос о земельной собственности, ибо рост крупного остготского землевладения феодального типа представлял серьезную угрозу для интересов старой римской землевладельческой аристократии. Рано или поздно борьба за земли Италии должна была привести к острому конфликту между остготской знатью и римской аристократией, — конфликту, который мог быть разрешен лишь вооруженной рукой. Поэтому казнь Боэция и Симмаха и разрыв остготского правительства с senatorской верхушкой являлись лишь прелюдией к кровавой войне между остготским королевством и Восточной Римской империей, оказывавшей помощь и покровительство senatorской аристократии Италии, недовольной правлением остготов.

Вторым вопросом, также таившим в себе семена серьезных разногласий между остготской феодализировавшейся знатью и старой римской аристократией, являлся вопрос об использовании труда зависимого населения Италии и методах его эксплуатации.

Конечно, в отношении борьбы против народных выступлений, классовые интересы и римской и остготской знати обычно совпадали и именно

¹⁶⁸ Cassiod., Var., V, 12.

¹⁶⁹ Ibid., V, 29; VII, 28; XI, 25.

¹⁷⁰ Ibid., III, 20.

¹⁷¹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 125—126.

это обуславливало нередко их временный союз. Так было, например, в годы борьбы с Одоакром и в первое время после образования остготского государства, так бывало и впоследствии¹⁷². Однако острая нужда в рабочих руках, постоянная забота о приобретении новых работников, необходимых для обработки земель, рано или поздно также должна была привести к столкновению между остготской знатью с ее непомерно растущими аппетитами и вынужденной занять оборонительную позицию римской аристократией.

И действительно, остготская феодализирующаяся знать, заняв постепенно господствующее политическое положение в стране, естественно, стремилась обеспечить себе и наиболее широкие возможности в использовании труда зависимого населения Италии, в первую очередь колонов и рабов. Остготские военачальники и «могущественные» лица из остготской знати, захватывая все новые земли в Италии, особенно остро нуждались в рабочих руках и могли их приобрести или путем порабощения местного населения, или путем покупки, а зачастую и насильственного захвата рабов и колонов у римских землевладельцев. Источники сохранили нам сведения о захвате и переманивании остготской знатью зависимых людей из поместий римской аристократии¹⁷³. Это, конечно, приводило к соперничеству, постоянным распрям и столкновениям между остготскими и римскими крупными землевладельцами. Кроме того, можно высказать предположение, что мнения остготской и римской знати расходились иногда и по вопросу о методах эксплуатации зависимого населения.

Остготская феодализирующаяся знать, по-видимому, несмотря на сохранение рабовладения, в меньшей степени была заинтересована в использовании труда рабов во вновь приобретенных ею имениях, чем едва ли не большая часть римской аристократии, еще судорожно цеплявшаяся за старые методы эксплуатации трудового населения. Источники свидетельствуют о том, что именно в имениях остготской знати наряду с трудом рабов все большее распространение получал труд колонов, вследствие чего остготская знать стремилась законодательным путем закрепить их бесправное положение и сделать их зависимость еще более тяжелой¹⁷⁴.

Поэтому в реальной действительности того времени более прочным могло быть сближение остготской знати скорее всего только с частью римских землевладельцев, а именно с теми из них, которые также уже широко применяли новые формы эксплуатации и хозяйство которых развивалось по пути созревания феодальных отношений. Но и здесь, конечно, лояльность отношений нередко нарушалась.

С другой стороны, остготская знать и остготское правительство в известной мере принуждены были считаться с интересами свободных остготских воинов и в большей степени использовать подневольный труд именно местного зависимого населения¹⁷⁵, что, конечно, тоже служило причиной недовольства не только со стороны самих широких народных масс, но и римской аристократии, не желавшей делить своих прав на эксплуатацию трудового населения с новыми пришельцами.

И если в начале своего правления король Теодорих в силу сложившейся политической ситуации заигрывал со старой римской рабовладельческой аристократией и католической церковью и шел на серьезные

¹⁷² См. указанную работу автора этой статьи в X томе ВВ.

¹⁷³ Cassiod. Var., V, 12, 36.

¹⁷⁴ Ibid., IV, 44; VII, 13; Edict. Theod., § 142, 150.

¹⁷⁵ Это, понятно, не исключает и того, что внутри самого свободного остготского крестьянства также росла социальная и имущественная дифференциация, и часть мелких свободных собственников — остготов попадала в зависимое положение от знати.

уступки им в отношении раздела земель и подчинения зависимого населения, то в дальнейшем, под давлением феодализирующейся знати, он должен был изменить свою политику.

Характерно, что именно во второй половине правления Теодориха происходит весьма заметное сокращение привилегий Рима и дальнейшее уменьшение политического значения сената¹⁷⁶. Недаром о городской префектуре Рима говорили, что она именно в это время превратилась из могущественной силы лишь в призрачное имя¹⁷⁷. Все это, конечно, не могло не вызвать роста оппозиционных настроений среди влиятельных кругов римской рабовладельческой аристократии, все чаще и чаще обращавшей теперь свои взоры на Восток в надежде на то, что именно оттуда им будет подана рука помощи. Римская аристократия не желала мириться с потерей главенствующего положения в управлении государством, с ущемлением прав сената и высших римских магистратов; она не хотела лишаться своей власти, почета, менять свои привычки и обычаи, связанные с многовековыми традициями, окружавшими блеском и славой сенаторское сословие в Римской империи¹⁷⁸.

Сенаторскую оппозицию возглавили в 20-х годах VI в. видные представители старой римской аристократии — сенаторы Симмах и Боэций. Источники сохранили нам довольно подробные сведения об этих вождях аристократической оппозиции остготскому правительству, причем про-римски настроенные писатели увенчали их лаврами мучеников, отдавших свою жизнь за дело возрождения гибнущего римского общества, угасающей римской культуры¹⁷⁹.

По словам Прокопия, Симмах и его зять Боэций принадлежали к старинному патрицианскому роду, были первыми лицами в римском сенате и консулярами¹⁸⁰. Боэций родился около 480 г. в знатной семье: его отец был префектом претория и префектом города в правление Одоакра и консулом 487 г. Рано потеряв отца, Боэций воспитывался Аврелием Меммием Симмахом, одним из видных политических деятелей того времени. В 510 г. Боэций также достиг консульства и затем занимал высокие государственные должности.

¹⁷⁶ Уменьшение политического влияния римской аристократии в остготском королевстве, сказавшееся в дальнейшем падении роли сената, еще в большей степени проявилось в потере реального политического значения таким некогда блестящим римским магистратом, как консул. Консулат в остготском государстве почти полностью теряет свою реальную власть, сохраняя лишь внешние признаки бывшего могущества. Упадок консулата начался еще в период поздней Римской империи, но в остготском королевстве он сказался с особой силой. Консулы потеряли свою основную функцию военного командования; эта должность фактически теперь свелась к организации зрелищ за счет личных средств консула (Cassiod., Var., III, 39; VII, 2; IX, 22). Консулы назначались нерегулярно, по выбору остготского короля, из числа знатных римлян и готов (ibid., III, 39; VII, 2).

¹⁷⁷ Ennod., Paneg., VI, 5.

¹⁷⁸ Кроме указанных выше работ о положении римского сената в раннее средневековье см. следующие специальные исследования: L. di Gianlorenzo, I Barbari nel Senato Romano al sesto secolo. «Studi e documenti di storia e diritto», XX, 1899, № 1, p. 127—191; Ch. Lécirvain, Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople, Paris, 1888, p. 153—215; A. Bartoli, Lavori nella sede del Senato romano al tempo di Teodorico. «Bullettino Commiss. Archeol. Commun. di Roma», 73, 1949/50, pubbl. 1952, p. 77—88; O. Bertolini, L'aristocrazia senatoria e il Senato di Roma come forza politica sotto i regni di Odoacre e di Teodorico, «Atti del I Congresso Naz. di Studi Romani». I. Roma, 1929, p. 462—475 etc.; E. Stein, La disparition du Sénat de Rome à la fin du VI-e siècle. «Bull. de la Classe des Lettres et des Sciences Mor. et Pol. Acad. Royale de Belgique», série 5, XXV, 1939, p. 308—322; E. D'Alfonso, Il Senato Romano nei primi regni dell'età barbarica, Napoli, 1936; P. Fedele, Sulla persistenza del Senato romano nel Medio Evo, Roma, II, 1924, p. 59—67 и др.

¹⁷⁹ Procop., De bello Goth., I, 1, §§ 33—39.

¹⁸⁰ Ibid., § 32.

Как Симмах, так и Боэций были яркими сторонниками сближения с Восточной Римской империей и поддерживали тесные связи с константинопольским двором. В 500 г. Симмах посетил столицу Восточной Римской империи, где ему был оказан почетный прием. Для характеристики политических взглядов вождя senatorской оппозиции весьма знаменательны их связи со знатными римскими эмигрантами из «варварских» королевств, жившими при дворе восточно-римского императора. Так, например, мы знаем о переписке Симмаха с римским грамматиком Присцианом, уроженцем вандальского королевства, нашедшим себе приют в Константинополе. В своем панегирике в честь императора Анастасия Присциан доказывал, что восточный император является в то же время и законным правителем Рима¹⁸¹, и эти его высказывания находили сочувственный отклик и у старой senatorской аристократии Италии.

Патриций Боэций был широко известен современникам не только как крупный политический деятель, но и как выдающийся философ и ученый своего времени. Он в совершенстве знал греческий язык и овладел греческой образованностью. Его перу принадлежат сочинения богословского и философского характера. Особенно широкой известностью пользовалось в средние века последнее произведение Боэция, написанное им в 524 г. незадолго до казни, — «Философское утешение», всецело проникнутое духом христианской ортодоксии, без какого-либо влияния языческой античной философии¹⁸².

Конфликт остготского правительства с senatorской оппозицией Италии был описан несколькими современниками, но особенно подробно анонимом Валезия¹⁸³.

По данным источников, начало этого конфликта было положено в 524 г. доносом королевского референдаря Киприана о тайных переговорах, которые велись римским senatorом Альбином с восточным императором с целью свержения власти остготов в Италии при помощи Восточной Римской империи¹⁸⁴.

Альбин категорически отрицал обвинение в государственной измене, и на его защиту немедленно выступили другие представители оппозиционно настроенной части senatorов. Боэций, будучи одним из их лидеров, узнав о раскрытии заговора и обвинении Альбина, тотчас прибыл в Равенну к королю Теодориху и попытался защитить Альбина. «Тогда и Боэций патриций, — пишет аноним Валезия, — который был магистром официий, сказал прямо в глаза королю: „обвинение Киприана ложно; но если Альбин сделал это, сделал и я и весь сенат. Ложь это, владыка король“»¹⁸⁵.

Такое единодушие senatorской оппозиции вызвало большое ожесточение остготского правительства, и когда Киприан распространил свое обвинение в государственной измене и на Боэция и представил своих свидетелей¹⁸⁶, король Теодорих решил жестоко расправиться с непокорными senatorами. «Но, король, питая коварные замыслы против римлян и размышляя о том, каким способом их лучше погубить, больше поверил ложным свидетелям, чем senatorам»¹⁸⁷.

¹⁸¹ Prisciani Panegyricus imperatoris Anastasii, rec. Baehrens. Poetae latini minores. Lipsiae, 1883, p. 269—274.

¹⁸² Boethii De consolazione philosophiae, ed. G. Weinberger. Corpus script. eccles. Latin. Vindobonae, LXVII, 1934.

¹⁸³ Anon. Vales., § 85—87.

¹⁸⁴ Ibid., § 85.

¹⁸⁵ Ibidem.

¹⁸⁶ Аноним Валезия утверждает, что показания этих свидетелей были ложны (Anon. Vales., § 86).

¹⁸⁷ Ibid., § 86.

Однако остготский король шел на полный разрыв с римским сенатом не без некоторых колебаний. Это видно из того, что Боэций сперва был приговорен к пожизненному изгнанию¹⁸⁸, но, так как оппозиция упорствовала в своей ненависти к остготскому правительству, изгнание было потом заменено Боэцию смертной казнью. По словам анонима Вalezия, Теодорих, не выслушав даже оправданий Боэция, заключил его в темницу. Приговор Боэцию был вынесен при участии Евсевия, префекта города Тичина, видимо, поддержавшего обвинение против главы senatorской оппозиции¹⁸⁹.

Вскоре Боэций был казнен в местечке agro Calventiano; перед смертью он был подвергнут страшным пыткам¹⁹⁰. Репрессии обрушились и на теста Боэция сенатора Симмаха, также замешанного в заговоре против остготского правительства. Опасаясь мести со стороны Симмаха за гибель зятя, король Теодорих срочно вызвал его из Рима в Равенну и затем приказал казнить¹⁹¹. Еще раньше жестокой казни был предан и сенатор Альбин. Все состояние казненных было конфисковано в пользу остготского правительства¹⁹².

Таким образом, senatorская оппозиция была временно разгромлена Теодорихом, фрондирующие сенаторы внешне изъявили покорность королю, хотя, конечно, не оставили своих планов борьбы с остготами при содействии Восточной Римской империи.

Одновременно с заговором римской senatorской аристократии тайные сношения с восточным императором, направленные против остготского правительства, завязал и папский престол. Папа Иоанн I, посланный королем Теодорихом в Константинополь для переговоров с императором Юстином I о прекращении гонений на ариан в империи, видимо, отнюдь не хотел действовать в пользу остготского правительства и ариан и вступил в тайные переговоры с константинопольским двором о свержении власти остготов в Италии¹⁹³. Об этом стало известно остготскому правительству, и как только папа Иоанн I возвратился в Рим, то тотчас по приказу Теодориха он был заключен в темницу, где и умер в 526 г. Смерть папы произошла при столь подозрительных обстоятельствах, что можно предположить, будто он был тайно умерщвлен по приказанию остготского короля¹⁹⁴.

В научной литературе не существует единой точки зрения в оценке описанных нами событий. Довольно широкое распространение имеет мнение о том, что Боэций не был замешан в заговоре против короля Теодориха, обвинение его было ложным, а казнь философа является, по утверждению некоторых авторов, величайшей несправедливостью, совершенной остготским королем¹⁹⁵. Ряд историков подвергает сомнению даже само существование заговора римской senatorской аристократии против короля Теодориха. Однако анализ расстановки классовых сил в Италии и поли-

¹⁸⁸ L. A. Muratori. *Annali d'Italia del principio dell'era volgare fino all' anno 1750...*, v. III. Milano, 1762, ad anno 524.

¹⁸⁹ Anon. Vales., § 87.

¹⁹⁰ Ibidem. Cp. Procop., *De bello Goth.*, I, 1, § 32—34.

¹⁹¹ Anon. Vales., § 92; Procop., *De bello Goth.*, I, 1, § 33—34.

¹⁹² Procop., op. cit., I, 1, § 34.

¹⁹³ L. A. Muratori. *Annali d'Italia...* ad anno 526; Anon. Vales., § 91.

¹⁹⁴ Anon. Vales., § 93; Hist. miscell., p. 103; L. A. Muratori. *Annali...*, ad anno 526; См.: H. Lowе. Theoderich der Grosse und Papst Johann I. «Hist. Jahrbuch», 72, 1953, S. 83—100; M. Rosi. L'ambasceria di papa Giovanni I a Constantinopoli secondo alcuni principali scrittori. «Archivio di Soc. Rom. di storia patria», XXI, 1891, p. 567—584; P. Vaccari. Roma e l'Oriente nei rapporti ecclesiastici sec. VI. «Atti del IV Congres. Naz. di Studi Rom», I. Roma. 1938, p. 416—419 и др.

¹⁹⁵ См. например, Ch. H. Coster. *The fall of Boethius*, p. 45—80.

тических столкновений как внутри самой остготской знати, так и среди римской аристократии, приводит нас к выводу, что заговор римских сенаторов был закономерным результатом развития борьбы политических группировок в остготском королевстве. Он явился одним из важных моментов в борьбе сенаторской знати против остготского правительства, начатой еще в предшествующее время¹⁹⁶.

Вместе с тем события 524—526 гг. убедительно свидетельствуют, что в это время политическое преобладание окончательно перешло ко второй из охарактеризованных нами выше группировок остготской знати. Несомненно, что именно под ее влиянием король Теодорих после некоторых колебаний все же решился на расправу с вождями сенаторской оппозиции.

Но политические изменения, обусловленные переходом преобладания к военной и провинциальной части остготской феодализирующейся знати, не ограничились только окончательным разрывом с большинством римского сената. Еще более существенным было то, что именно с этого времени начинает особенно заметно проявляться рост самостоятельности комитов готов, командующих пограничными округами, и других остготских военачальников, значительная часть которых уже превратилась в крупных землевладельцев.

Мы видим, таким образом, что объяснение явному ослаблению королевской власти в остготском государстве в период, последовавший за смертью Теодориха, надо искать не в личных качествах его преемников (как это обычно делают буржуазные историки), а в тех социальных сдвигах, которые проявились еще при Теодорихе и которые были совершенно неизбежны в условиях развития феодальных отношений в Италии в первые десятилетия VI в.

¹⁹⁶ Важно подчеркнуть, что разоблачение заговора римских сенаторов и обвинение Альбина и Боэция происходили при прямой помощи представителей той части римской знати, которая сотрудничала с остготским правительством. Вряд ли можно сомневаться в том, что референдарий Киприан, а затем и префект города Тичино Евсевий и другие обвинители Альбина и Боэция были не только их личными врагами и завистниками (о чем говорит Прокопий — *Ргосор*, *De bello Goth.*, I, cap. 1, § 33—34), но и политическими противниками. Конечно, они действовали согласно общей политике, которую проводила та часть римской знати, которая помогала остготам в управлении страной, пользовалась милостями остготского правительства и была против союза с Восточной Римской империей.